

О ПРЕБЫВАНІИ

ПЛѢННЫХЪ ШВЕДОВЪ ВЪ РОССІИ

при ПЕТРѢ великомъ.

Въ сраженіи подъ Полтавою и потомъ при капитуляціи подъ Переволочной, Русскими взято было въ плѣнъ болѣе 20,000 человѣкъ или даже около 25,000, если считать гражданскіе и придворные чины, также служителей, работниковъ и женщинъ, сопровождавшихъ армію Карла XII (1). Изданные на Русскомъ языкѣ акты и сочиненія заключаютъ въ себѣ мало свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ этихъ иноземцевъ, оставшихся въ Россіи; а между тѣмъ очень любопытно и важно было бы знать разныя подробности по этому предмету. Какъ обращались у насъ съ плѣнными? гдѣ находилось бо́льшее число ихъ? въ какой степени они пользовались свободою и многіе ли изъ нихъ, по заключеніи мира, возвратились въ отечество? На эти вопросы мы находимъ у иностранныхъ Писателей весьма противорѣчивые отвѣты. Въ Исторіи Беккера, имѣющей самый обширный кругъ читателей, сказано: «ни одинъ изъ этихъ храбрыхъ воиновъ не увидѣлъ отечества».

(1) Голиковъ, Т. IV, стр. 78, и Т. XI, стр. 253. (по 2-му изданію).

Русскіе источники заключаютъ въ себѣ самое убѣдительное опроверженіе такого показанія. На Нѣмецкомъ языкѣ естѣ цѣлая книга объ этихъ плѣнныхъ, изданная однимъ изъ нихъ, именно Капитаномъ Врехомъ (Wreech), который жилъ въ Тобольскѣ и завелъ тамъ школу (2). Но эта книга, напечатанная вскорѣ по кончинѣ Петра Великаго, по скудости содержанія, вовсе не оправдываетъ своего довольно значительнаго объема. Гораздо обильнѣе подробностями появившееся въ нынѣшнемъ уже столѣтіи Шведское сочиненіе, въ которомъ собраны біографическія замѣтки о всѣхъ бывшихъ въ Русскомъ плѣну Генералахъ, Офицерахъ и другихъ лицахъ, сопровождавшихъ Карла XII въ знаменитомъ его походѣ (3). Составитель этой книги былъ внукъ одного изъ плѣнныхъ, Корнета Эннеса, прожившаго тринадцать лѣтъ въ Тобольскѣ, и пользовался веденными дѣдомъ въ теченіе этого времени записками; а сверхъ того извлекъ много свѣдѣній изъ старинныхъ Шведскихъ сочиненій, касающихся той эпохи. Число лицъ, о плѣнѣ которыхъ въ Россіи онъ сообщаетъ болѣе или менѣе подробныя извѣстія, простирается свыше 2,400

---

(2) Wahrhafte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien, von Curt Friedrich von Wreech, gewesenen Capitain unter den königlichen schwedischen Albedylischen Dragonerregiment. Sorau, 1725; — 2-е изд. тамъ же 1728. Есть по этому предмету еще сочиненіе: «Der innere und äussere Zustand derer schwedischen Gefangenen in Russland, durch ihre eigene Briefe etc. getreulich aus Licht gestellet von Alethophilo. Frankfurt und Leipzig. Обѣ эти довольно рѣдкія книги, первая въ обоихъ изданіяхъ, находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С. Петербургѣ. Въ той и другой историческій интересъ совершенно поглощенъ религіознымъ направленіемъ.

(3) Biographiska Minnen af Konung Carl XII: s Krigare etc. med bilagor af B. A. Ennes. Stockholm, 1818 и 1819 (двѣ части).

человѣкъ. Онъ описываетъ довольно безпристрастно, наряду съ ихъ страданіями, и добро, испытанное ими въ землѣ побѣдителей; но и изъ его показаній нѣкоторыя требуютъ повѣрки съ имѣющимися у насъ документами. При помощи тѣхъ и другихъ, представлю здѣсь прежде всего общій обзоръ судьбы плѣнниковъ арміи Карла.

Послѣ Полтавской побѣды, Петръ Великій, совершивъ молебствіе, оказалъ милость непріятельскимъ Генераламъ, пригласивъ ихъ, вмѣстѣ съ Русскимъ генералитетомъ, къ своему столу. Всѣмъ извѣстно, что при этомъ случаѣ Государь возвратилъ Шведамъ шпаги, и пилъ за здоровье ихъ, «какъ учителей своихъ въ военномъ искусствѣ». А между тѣмъ не только всѣ плѣнные Офицеры, но и рядовые угощаемы были особо. Все это повторилось еще разъ 29 числа, по случаю Государева тезоименитства.

Черезъ день, Петръ Великій, прибывъ въ Переволочну вскорѣ послѣ сдачи Шведскаго войска, остановился въ шатрѣ Князя Меншикова и приказалъ ввести къ себѣ плѣнныхъ Генераловъ и Штабъ-Офицеровъ. При этомъ представленіи, успокоивъ ихъ на счетъ исполненія договора, Государь подробно разспросилъ Графа Левенгаупта обо всемъ, что касалось до Короля; Шведскій же Генералъ, съ своей стороны, ходатайствовалъ чрезъ Князя Меншикова о выдачѣ плѣннымъ провіанта, говоря, что у нихъ нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ.

Повелѣвъ тотчасъ накормить всѣхъ Шведовъ, Монархъ приказалъ: 1) плѣннымъ Генераламъ и Офицерамъ назначить, по званію ихъ, содержаніе, какое получаютъ тѣ же Русскіе чины; 2) унтеръ-офицерамъ и рядовымъ производить жалованье, присвоенное нашему пѣхотному войску; 3) дозволить каждому отправлять извѣстное ему ре-

месло; 4) кто изъ плѣнныхъ пожелаетъ вступить въ Россiйскую службу, тѣхъ, принявъ, содержать наравнѣ съ своими; 5) у кого изъ нихъ есть жены, взятыя въ плѣнъ, тѣмъ возвратить ихъ, и 6) всѣхъ обнадежить, что будутъ они отпускаемы въ отечество на поруки товарищей своихъ, съ обязательствомъ возвратиться въ условное время.

Черезъ нѣсколько дней, вся плѣнная армiя отведена была обратно въ Полтаву; ее сопровождалъ самъ Государь съ своими полками. Слухъ о блестящемъ успѣхѣ преслѣдованiя непрiятеля привлекъ на Полтавскiя поля безчисленныя толпы народа; изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ наѣхало множество купцовъ и промышлениковъ со всякими товарами, напитками, съѣстными припасами, стадами лошадей и другаго скота, и все это, окруженное палатками и наметами, представляло, по словамъ Голикова, «превеликую ярморку». При появленiи Петра Великаго, воздухъ огласился восторженными кликами: «да здравствуетъ Государь и отецъ нашъ»! При пожалованiи наградъ всѣмъ участвовавшимъ въ Полтавскомъ дѣлѣ, Государь распространилъ свою милость и на побѣжденныхъ, велѣвъ выдать Шведскимъ солдатамъ впередъ треть годоваго ихъ жалованья.

Спустя недѣлю, всѣ плѣнные, въ трехъ отрядахъ, отправлены были изъ Полтавы въ Черниговъ, Смоленскъ и другiе близлежащiе города, куда и прибыли они въ Августѣ мѣсяцѣ. Въ началѣ Декабря того же года, повели ихъ въ Москву, гдѣ и присутствовали они при торжественномъ въѣздѣ Царя въ столицу (4).

---

(4) Голиковъ, Т. XI, стр. 257.

Пробывъ здѣсь мѣсяцъ, плѣнные Офицеры разосланы были, въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ, по сту человѣкъ въ каждомъ, по разнымъ городамъ Архангельской, Казанской и Астраханской Губерній; но когда въ Апрѣлѣ 1711 года открыта была въ Свіяжскѣ попытка къ бѣгству, то большая часть изъ нихъ переведена въ Сибирь. Тобольскъ сдѣлался мѣстомъ ссылки 800—900 Офицеровъ, кромѣ другихъ плѣнныхъ, между которыми находились и Лифляндскіе крестьяне. По просьбѣ Графовъ Реншильда и Пипера, полковые Пасторы были такъ распредѣлены, что каждая партія плѣнныхъ, отправленная въ тотъ или другой городъ, имѣла хотя по одному изъ нихъ. Генералы и Офицеры по большей части остались въ Москвѣ, гдѣ въ 1712 году внезапно усилена была строгость въ содержаніи ихъ; однакожь вскорѣ опять введенъ былъ прежній порядокъ.

Кромѣ пособій, назначенныхъ плѣннымъ отъ Русскаго Правительства, они пріобрѣтали деньги разными работами и ремеслами (5). Благодаря этому, Русскіе узнали нѣкоторыя новыя для нихъ вѣтви ремесленной промышлености. «Многолѣтнее пребываніе въ Россіи этихъ военно-плѣнныхъ — говоритъ Бергманъ (6) — принесло ей немалую пользу. Чрезъ нихъ лучи просвѣщенія проникли даже въ глубь Сибири; они завели фабрики и ма-

---

(5) Такъ на-пр. Пасторъ Рабеніусъ, въ Клину, дѣлалъ деревянные часы и парики; Корнетъ Пистольшельдъ, въ Соликамскѣ, занимался приготовленіемъ игорныхъ картъ и винокуреніемъ; Ротмистръ Галль, въ Тобольскѣ, сдѣлался красильщикомъ; Ротм. Риддерборгъ, тамъ же, вышивалъ золотомъ и серебромъ шапки и чапраки.

(6) Исторія Петра Великаго. 2-е изд. Т. V, стр. 36.

нуфактуры въ странахъ, гдѣ не было и слѣда Европейской образованности; они, какъ живописцы, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, токари и знающіе прочія ремесла, *ввели всюду полезную роскошь* (!); какъ музыканты, комедіанты, фабриканты картъ и трактирщики, они содѣлали для Русскихъ наслажденіе жизнію пріятнѣе и разнообразнѣе, и даже споспѣшествовали, сколько могли, обученію юношества». Если здѣсь Шведскимъ плѣннымъ и приписано слишкомъ большое и общее вліяніе на успѣхи образованности въ Россіи, все-же не льзя отрицать, что они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ частныхъ случаяхъ дѣйствительно могли оказать такого рода пользу, — чему мы далѣе и увидимъ нѣсколько примѣровъ.

Петръ Великій, всячески изыскивая средства для исполненія своихъ великихъ плановъ, ясно понималъ, что изъ числа столькихъ иностранцевъ могло найтись много людей, полезныхъ для гражданской службы. Потому, при учрежденіи Коллегій, и обратилъ онъ особенное вниманіе на Шведскихъ плѣнныхъ, приказывая приглашать ихъ къ вступленію въ службу. Есть нѣсколько о томъ Указовъ. Въ 1717 году, Государь, изъ Спа, писалъ къ Генералу Брюсу, чтобы онъ, при помощи Сенаторовъ, пріискивалъ «удобныхъ ассесоровъ изъ Шведскихъ полоняниковъ», въ слѣдствіе чего Брюсъ и просилъ содѣйствія Сената къ приглашенію въ службу «полоненыхъ Камнрировъ, Коммисаровъ, Рентмейстеровъ, Секретарей, Аудиторовъ и знатныхъ шрейберовъ и прочихъ Офицеровъ, которые въ Швеціи или гдѣ индѣ у таковыхъ дѣлъ были, или хотя и не были, а за оныя возьмутся, — обѣщая имъ Его Царскаго Величества высокую милость и довольное жалованье» и подтверждая имъ, что то «служба гражданская,

а не военная» (7). Въ связи съ этимъ находится писанный въ слѣдующемъ году меморіалъ иноземца Фика о назначеніи жалованья служителямъ Коллегій. Въ этомъ документѣ говорится о посланной «съ Россіи къ Москвѣ» — «росписи нѣкоторымъ изъ Шведскихъ полоняниковъ», — «которые Шведскому штату и языку Русскому искусны, и можетъ одинъ изъ нихъ намъ потребнѣе быть, нежели два человѣка Нѣмцевъ» (8). Эти слова, которыхъ не льзя не признать выраженіемъ образа мыслей самого Царя, относятся къ состоявшемуся незадолго предъ тѣмъ Указу объ устройствѣ въ Россіи судебныхъ мѣстъ по примѣру Швеціи, о переводѣ Шведскаго Уложенія и составленіи свода Россійскихъ узаконеній со Шведскими (9): причемъ не надобно забывать, что и самыя Коллегіи, для которыхъ пріискивались чиновники изъ Шведовъ, устроены были по образцу подобныхъ учрежденій въ Швеціи (10).

Всего замѣчательнѣе, въ этомъ отношеніи, именной Указъ, данный въ томъ же году Поручику гвардіи Князю Хованскому (11): «Ѣхать тебѣ въ Нижній Новгородъ и въ Казань, и тамъ арестантовъ Шведскихъ сыскавъ, призывать въ нашу гражданскую службу въ Коллегіи; и ежели которые изъ нихъ не похотятъ, то обѣщай имъ нѣкоторую награду и притомъ обнадежь ихъ Нашимъ именемъ, что они, конечно, ни въ какую военную службу употреблены не будутъ, и какъ скоро съ ними договоришься, то

---

(7) Полн. Собр. Законовъ, Т. V. № 3101.
(8) Тамъ же № 3208.
(9) Тамъ же № 3202.
(10) Тамъ же № 3197.
(11) Тамъ же № 3259.

ихъ и при нихъ багажъ и людей ихъ привези сюда въ Санктпетербургъ немедленно».

Мы не знаемъ, многіе ли Шведы воспользовались предложеніемъ Русскаго Правительства; изъ извѣстій Эннеса видно только, что плѣнные въ разное время поступали въ Русскую службу. По нѣкоторымъ даннымъ надобно однакожь заключить, что такія лица рѣдко были коренными Шведами, а принадлежали по большей части къ числу Нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, бывшихъ въ арміи Карла XII. Есть свѣдѣнія, что въ извѣстной экспедиціи Князя Бековича въ Хиву участвовали многіе Шведскіе плѣнные, которыхъ онъ принялъ въ службу въ Казани и въ Астрахани, ожидая отъ нихъ тѣмъ болѣе пользы, чѣмъ болѣе они показывали къ тому готовности. Но, по словамъ Миллера, между этими плѣнными не было ни одного природнаго Шведа; всѣ они были Нѣмцы, которыхъ Карлъ XII набралъ въ Саксоніи и на возвратномъ походѣ изъ Германіи. Не получая никакого содержанія изъ Швеціи, эти люди уже напередъ вознамѣрились вступить въ Русскую службу и исполнили это тѣмъ охотнѣе, что ихъ употребили къ такому походу, который до войны противъ Швеціи нимало не касался. Съ ними, говоритъ Миллеръ въ другомъ мѣстѣ, не было никакого принужденія: ибо всякій могъ, по собственному усмотрѣнію, вступить въ службу или нѣтъ, и отъ него же самого зависѣли при этомъ условія (12).

Что̀ дѣйствительно очень не многіе изъ плѣнныхъ Шведовъ заняли въ Россіи вновь учрежденныя должности

(12) Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія. Ч. 11, стр. 22 и Ч. 17, стр. 18.

по гражданской службѣ, это подтверждаетъ Манифестъ, изданный Петромъ Великимъ въ самый годъ заключенія мира съ Швеціею и начинающійся словами: «Объявляемъ всѣмъ и каждому, особливо же въ Государствѣ Нашемъ всѣмъ нынѣ обрѣтающимся военноплѣннымъ какъ Шведскаго, такъ и другихъ народовъ въ военной Шведской службѣ бывшихъ, что хотя Мы сію войну съ короною Шведскою, ради государственнаго интереса и резона имѣемъ, однакожъ партикулярной противности къ тому народы никакой не имѣли, но наипаче оной за военной почитали» (13) и т. д. Этимъ Манифестомъ, который составляетъ одно изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ безпрерывной заботливости Петра о просвѣщеніи Россіи, всѣ плѣнные призываются въ Русскую службу, съ позволеніемъ имъ, по принятіи присяги, селиться въ Государствѣ, вступать въ бракъ, пріобрѣтать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами. Тутъ, между прочимъ, подробно показано, въ какія именно присутственныя мѣста должны обращаться плѣнные, которые пожелаютъ вступить въ службу, — смотря по роду ихъ свѣдѣній и способностей. «Ежели кто Россійскаго языка знающъ и притомъ въ состояніи обрѣтается Намъ и Государству Нашему дѣйствительно потребныя услуги показать, то можетъ онъ о наукѣ и прошеніи своемъ письменно въ ту Коллегію, куда что принадлежитъ, объявить». За симъ слѣдуетъ точнѣйшее указаніе мѣстъ по различію просителей, на-прим. «которые профессорскія науки имѣютъ и могутъ въ Академіяхъ или въ Гимназіяхъ опредѣлены быть, и книги печатать искусны, таковымъ надле-

(13) Полн. Собр. Зак. Т. VI, № 3778.

жить о себѣ прислать извѣстіе въ Правительствующій Духовный Синодъ».

Напечатанный по-Русски и по-Нѣмецки, этотъ Манифестъ былъ разосланъ во всѣ провинціи и города, гдѣ находились военноплѣнные, и отъ каждаго изъ нихъ взята росписка въ томъ, что Манифестъ былъ ему объявленъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его обнародованія, состоялся миръ, положившій конецъ двадцатилѣтней войнѣ.

Относительно положенія плѣнныхъ въ нашемъ Отечествѣ, находимъ у Эннеса свидѣтельство, тѣмъ болѣе важное, что оно принадлежитъ врагу: «съ плѣнными Офицерами — говоритъ онъ — въ Россіи вообще обращались хорошо; они пользовались большою свободою, если только вели себя тихо и порядочно, оставаясь въ тѣхъ городахъ, куда были посланы или на время отпущены, при чемъ ихъ всегда сопровождалъ караульный солдатъ; но въ случаѣ неудачной попытки бѣжать, съ ними поступали строго, а часто даже и жестоко. Сибирскій Губернаторъ Князь Гагаринъ старался всячески облегчать судьбу Шведскихъ плѣнныхъ и выдѣлялъ не разъ по нѣскольку тысячъ рублей для раздачи наиболѣе нуждавшимся между ними. Въ Тобольскѣ имъ легче было добывать деньги, нежели въ маленькихъ городахъ, не смотря на сравнительную въ послѣднихъ дешевизну всѣхъ жизненныхъ потребностей». «Унтеръ-офицеры и рядовые — замѣчаетъ Эннесъ — находились совершенно въ другихъ мѣстахъ, гдѣ должны были исправлять тяжкія работы, — особливо въ Сибирскихъ рудникахъ и при построеніи Петербурга (14). Изъ нихъ одни умерли, другіе принужде-

(14) Авторъ сочиненія, откуда заимствуются эти слова, не упоминаетъ здѣсь о Воронежской верфи, куда вскорѣ послѣ Полтавской побѣды

ны были вступить въ Русскую военную службу или перекреститься, такъ что очень немногіе возвратились въ Отечество». Если дѣйствительно были случаи насильственныхъ поступковъ, въ какомъ бы ни было отношеніи, съ тѣмъ или другимъ иноземцемъ: то, конечно, это должно быть приписано не Правительству, а либо низшимъ властямъ, либо частнымъ лицамъ. Что такія злоупотребленія въ самомъ дѣлѣ случались, видно изъ тогдашнихъ Указовъ, въ которыхъ не разъ выражается попеченіе Правительства. Въ 1717 г., въ слѣдствіе жалобы Графа Левенгаупта, «Сенатъ, по Указу Великаго Государя, приказалъ: въ Губерніяхъ, гдѣ есть Шведскіе арестанты, никого въ неволю не крестить и на Русскихъ подъ неволею не женить и замужъ не давать» (15). Къ этому Указу близко подходятъ, по содержанію, два другіе, изданные уже послѣ заключенія мира, въ 1723 и 1724 годахъ, о томъ, чтобы никто силою не держалъ у себя Шведскихъ военноплѣнныхъ и не препятствовалъ имъ возвращаться въ Отечество (16). Нѣкоторое понятіе о положеніи этихъ плѣнныхъ въ Россіи даютъ намъ и слѣдующія слова упомянутаго Манифеста: «Мы усмотрѣли, коимъ образомъ не только о нихъ избавленіи изъ плѣна, но и о ихъ довольственномъ пропитаніи мало попеченія имѣли, отъ чего оные съ великою нуждою себя въ столь дол-

---

послано было 3,000 плѣнныхъ, какъ видно изъ письма Петра Великаго къ Воронежскому Коменданту Колычеву, писанныхъ изъ Полтавы 9 и 10 Іюля 1709: поздравляя Колычева съ «неслыханною викторіею», Государь приказываетъ ему заготовить провіантъ на 3,000 Шведовъ. Голиковъ, Т. IV, стр. 86.

(15) Полн. Собр. Зак. Т. V, № 3121.

(16) Тамъ же, Т. VII, № 4178 и № 4445.

гопротяжномъ плѣненіи содерживать принуждены» и далѣе: «зѣло многіе между плѣнными обрѣтаются, которые отъ управителей въ городахъ и провинціяхъ позволенія просили, чтобъ имъ позволено было, яко подданнымъ, въ Государствѣ Нашемъ поселиться». Все это ясно показываетъ, что Правительство постоянно заботилось о благосостояніи плѣнныхъ, и этому замѣчанію нисколько не противорѣчитъ то, что, съ другой стороны, принимались мѣры для пресѣченія плѣннымъ возможности употреблять во зло предоставленную имъ степень свободы. Такъ въ 1718 году открылось, что подъ конвертами иноземныхъ пословъ приходили письма къ плѣннымъ и отъ нихъ отходили, хотя имъ не запрещена была «явная корреспонденція за отворчатою печатью», съ отдачею писемъ на разсмотрѣніе въ Государственную Канцелярію (17). Многіе плѣнные, какъ видно изъ собственныхъ ихъ записокъ и изъ другихъ современныхъ документовъ, отпускаемы были, согласно съ обѣщаніемъ Царя, подъ честнымъ словомъ или на поруки; но какъ не всѣ они возвращались, а другіе, бывъ въ услуженіи у частныхъ людей, бѣжали отъ нихъ, то въ 1720 году повелѣно было всѣмъ чинамъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, у которыхъ живутъ плѣнные, немедленно объявлять о нихъ мѣстнымъ начальствамъ (18). Обстоятельство, послужившее поводомъ къ этому предписанію, достаточно оправдываетъ мѣру, принятую въ отношеніи къ перепискѣ плѣнныхъ.

Офицеры и Чиновники, захваченные въ Лифляндскихъ крѣпостяхъ, были по большей части женатые лю-

(17) Тамъ же, Т. V, № 3209.
(18) Тамъ же, № 3614.

ди, почему съ ними вмѣстѣ переселились въ Сибирь ихъ жены и дѣти; между отправленными туда семействами находились многіе дворянскіе роды изъ Лифляндіи и Ингерманландіи. Во время продолжительнаго плѣна, дѣти ихъ и внуки росли въ пустыняхъ Сибири безъ воспитанія. Это внушило названному выше Капитану фонъ-Вреху человѣколюбивую мысль завести въ Тобольскѣ училище, и, съ помощію многихъ образованныхъ Офицеровъ, ему удалось осуществить ее въ 1713 году; обученіе приняли на себя частью Офицеры, частью Пасторы. Къ учрежденію этой школы содѣйствовали, присылкою книгъ и денегъ, знаменитый Докторъ Франкъ, Профессоръ въ Галле, и Пасторъ въ Архангельскѣ Докторъ Михаэлисъ, съ которыми Врехъ былъ въ перепискѣ. Сверхъ того для той же цѣли собираемы были добровольныя приношенія между жившими въ Москвѣ плѣнными Генералами и Офицерами, къ чему особенно способствовалъ Подполковникъ Изендорфъ. Предметами преподаванія въ Тобольскомъ училищѣ были: Законъ Божій, нравоученіе, языки, Ариѳметика, Чистописаніе и Рисованіе, а отчасти, сколько было можно, — и главныя изъ Наукъ. Здѣсь, въ теченіе девяти лѣтъ, получили воспитаніе многія въ послѣдствіи отличавшіяся образованіемъ и достоинствами лица обоего пола, которыя во всю жизнь благословляли память своихъ наставниковъ. Въ концѣ 1717 года въ училищѣ находилось 33 мальчика, 17 дѣвочекъ и 6 Русскихъ дѣтей; за обученіе послѣднихъ назначена была небольшая плата.

Наконецъ 30 Августа 1721 года заключенъ былъ миръ Ништадскій, и по одной изъ статей его надлежало съ обѣихъ сторонъ освободить безъ выкупа всѣхъ плѣн-

ныхъ. По показанію Эннеса, въ Швецію возвратилось едва и 600 человѣкъ: слѣдовательно, не считая нижнихъ чиновъ, въ Россіи осталось болѣе 1800 плѣнныхъ. Ихъ удержали здѣсь разныя причины: одни приняли Русское подданство; другіе, обезпечивъ свое пропитаніе отправленіемъ какихъ-нибудь ремеслъ или другими занятіями, не хотѣли уже промѣнять вѣрное въ чужомъ краѣ на невѣрное въ отечествѣ, гдѣ между тѣмъ все перемѣнилось; нѣкоторые, женившись на Русскихъ, не желали ѣхать на родину безъ женъ, которыя, по условію трактата, не имѣли права послѣдовать въ Швецію за мужьями; иные наконецъ, обязавшись службою частнымъ лицамъ на срокъ, или имѣя долги, также не могли удалиться безъ исполненія своихъ обязательствъ. Прибавимъ, что многихъ изъ попавшихъ въ плѣнъ уже не было и въ живыхъ. Такимъ образомъ, становится яснымъ, что если, по разнымъ причинамъ, въ Швецію возвратилась и малая часть плѣнныхъ, то это не значитъ, какъ увѣряютъ иностранные Писатели, будто не воротился никто, и будто это произошло отъ неисполненія Петромъ Великимъ условія сдачи Шведской арміи при Переволочнѣ. Въ началѣ 1722 года всѣ желавшіе или могшіе воспользоваться освобожденіемъ, изъ мѣстъ своего пребыванія доставлены были на казенныхъ подводахъ въ С. Петербургъ и въ Іюнѣ мѣсяцѣ увидѣли вновь отечество.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицахъ арміи Карла XII, бывшихъ въ Русскомъ плѣну, и въ замѣткахъ о нихъ воспользуемся не только книгою Энне-

са, но и свѣдѣніями, заключающимися въ другихъ Шведскихъ сочиненіяхъ.

Для содержанія плѣнныхъ назначены были, сверхъ нѣкоторыхъ менѣе извѣстныхъ селеній, преимущественно слѣдующіе города: Петербургъ, Новгородъ, Ярославль, Москва, Клинъ, Серпуховъ, Коломна, Воскресенскъ, Кострома, Галичь, Чухлома, Нижній-Новгородъ, Казань, Свіяжскъ, Чебоксары, Владиміръ, Суздаль, Переславль-Залѣсскій, Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Рязанскій, Зарайскъ, Михайловъ, Ранепбургъ, Кашира, Веневъ, Калуга, Городище, Саранскъ, Вологда, Тотьма, Сольвычегодскъ, Архангельскъ, Шенкурскъ, Верхотурье, Соликамскъ, Тобольскъ и Тюмень. Въ выборѣ лицъ будемъ руководствоваться, независимо отъ большей или меньшей значительности ихъ, одною занимательностью сохранившихся о нихъ извѣстій.

Нордбергъ, — извѣстный въ исторической Литературѣ самымъ подробнымъ, хотя и не безпристрастнымъ сочиненіемъ о Карлѣ XII. Во время Сѣверной войны, онъ былъ придворнымъ Проповѣдникомъ и Предсѣдателемъ походной Консисторіи, и давно уже пользовался особенною милостію Короля. Попавши въ плѣнъ подъ Полтавою, онъ получилъ позволеніе оставаться при плѣненномъ тогда же первомъ Министрѣ Карла, Оберъ-Маршалѣ Графѣ Пиперѣ, съ которымъ и отвезенъ былъ въ Москву. Здѣсь завѣдывалъ онъ духовными дѣлами своихъ плѣнныхъ соотечественниковъ и доставлялъ имъ своею заботливостію всѣ выгоды, какія въ тогдашнихъ обстоятельствахъ были возможны. Шведы пользовались въ Россіи полною свободою совѣсти, и Нордбергъ не встрѣчалъ въ своей дѣятельности ни малѣйшаго стѣсненія. Въ этомъ правдиво сознаются

Шведскіе Писатели, прибавляя, что плѣнные въ теченіе 11-ти лѣтъ, по обычаю своей родины, праздновали въ Россіи ежегодно по четыре такъ-называемые молитвенные дня, для которыхъ тексты предписывалъ сперва Графъ Реншильдъ, а по отъѣздѣ его въ Швецію, старшій Генералъ. Число всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ полковыхъ Пасторовъ простиралось до 65 человѣкъ. Когда въ началѣ 1710 года остатки арміи Карла разселены были по разнымъ Русскимъ городамъ, тогда, вмѣстѣ съ приходами своими, разошлись по большей части и эти Пасторы, а отъ того обязанности Нордберга сдѣлались гораздо труднѣе. Пока всѣ они еще были вмѣстѣ, Нордбергъ созвалъ родъ духовнаго совѣта, на которомъ онъ, давъ имъ надлежащія наставленія, какъ каждому изъ нихъ поступать на своемъ мѣстѣ, въ то же время условился съ ними о назначеніи на тотъ годъ молитвенныхъ дней.

Придворный штатъ Короля остался въ Москвѣ и вмѣстѣ съ задержанными тамъ Генералами и Офицерами составилъ особый приходъ подъ именемъ Шведскаго придворнаго прихода. Походная Консисторія продолжала въ Москвѣ свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ Нордберга и по прежнему руководствовалась въ дѣлахъ своихъ церковнымъ уставомъ Швеціи. Такова была вѣротерпимость Петра Великаго.

Нордбергъ долженъ былъ часто разбирать непріятныя ссоры между своими какъ духовными, такъ и свѣтскими сотоварищами.

Его строгій и благородный образъ мыслей виденъ изъ сохранившихся отъ того времени писемъ его. Любопытны между прочимъ строки, посланныя имъ въ Тобольскъ, когда до него дошелъ слухъ, что жившіе тамъ

Шведы наняли домъ для представленія комедій. «Любезнѣйшіе друзья и братья» — говоритъ онъ — «положеніе нашего отечества и собственное наше должно бы въ насъ заглушить всѣ суетныя и пустыя мысли этого рода, и служить намъ поводомъ къ богобоязненной скорби, ведущей къ исправленію. Если обратимся къ первому началу комедій, то увидимъ, что онѣ своимъ происхожденіемъ обязаны язычникамъ» и т. д. (19).

Нордбергъ оставилъ Россію еще въ 1715 году, бывъ обмѣненъ на какого-то Русскаго Поручика и двухъ Священниковъ; тогда-то плѣнные могли настоящимъ образомъ оцѣнить этого человѣка, котораго замѣнить никто не былъ въ состояніи. Дѣлами Церкви управляли многіе вмѣстѣ, но уже не съ тѣмъ успѣхомъ. Черезъ Финляндію Нордбергъ отправился въ Стокгольмъ, а оттуда въ Стральзундъ къ Королю, который и назначилъ его своимъ духовникомъ.

Въ 1731 году ему отъ Правительства поручено было написать Исторію Карла XII, что̀ и исполнилъ онъ частью по собственнымъ воспоминаніямъ, частью при помощи свѣдѣній, собранныхъ отъ другихъ лицъ, также участвовавшихъ въ походѣ. Королева Ульрика Элеонора читала рукопись по мѣрѣ того, такъ она изготовлялась, и собственноручно исправляла или дополняла ее. Этотъ трудъ напечатанъ былъ въ 1740 году, а вскорѣ послѣ того переведенъ по-Французски и по-Нѣмецки. Къ сожалѣнію, Нордбергъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ и достоинствахъ, какъ Историкъ, не умѣлъ возвыситься надъ тономъ Лѣтописи и національнымъ ослѣпленіемъ. Онъ былъ веселый

(29) Svenskt biographiskt Lexicon.

и остроумный собесѣдникъ; по дѣятельности же своей, энергіи и познаніямъ пользовался великимъ уваженіемъ; что касается его наружности, то онъ былъ огромнаго роста и, по старинному обычаю, носилъ густую бороду. Нордбергъ кончилъ свое ученое образованіе въ Упсальскомъ Университетѣ, гдѣ пріобрѣлъ степень Магистра; въ 1732 году получилъ онъ званіе Доктора Богословія; умеръ въ 1744, на 68 году отъ рожденія.

Капитанъ *Норинъ* получилъ въ сраженіи при Полтавѣ семь ранъ и два дня пролежалъ на полѣ битвы; на третій же могъ съ трудомъ дотащиться до Русскаго лагеря, гдѣ и объявилъ себя военноплѣннымъ. Онъ жилъ сперва въ Архангельскѣ, а потомъ въ Галичѣ, и здѣсь своими познаніями и образованностью обратилъ на себя вниманіе одного помѣщика, который предложилъ ему мѣсто наставника при своихъ сыновьяхъ. Вскорѣ Норинъ до такой степени снискалъ его дружбу и довѣренность, что на случай смерти своей отецъ назначилъ его опекуномъ сиротъ. Черезъ нѣсколько времени помѣщикъ дѣйствительно умеръ, и плѣнный Шведъ вступилъ въ управленіе имѣніемъ своихъ питомцевъ, которые любили его, какъ втораго отца. При отъѣздѣ изъ Россіи, по заключеніи мира, онъ честно раздѣлилъ между ними все, чѣмъ съ такою пользою для нихъ завѣдывалъ, и возвратился въ отечество. Въ послѣдствіи онъ возведенъ былъ въ дворянство и принялъ фамилію *Норденсвердъ*.

Прапорщикъ *Дальбергъ* содержался въ Москвѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ двумя другими Офицерами, подрядился шить перчатки одному Нѣмецкому купцу, за что и получали они въ день по $22\frac{1}{2}$ коп. каждый. Когда онъ однажды вечеромъ возвращался съ товарищемъ изъ Нѣмецкой

слободы, на нихъ напали пять мошенниковъ, и отъ полученныхъ при этомъ побоевъ Дальбергъ пролежалъ цѣлые три мѣсяца. Во время его болѣзни добрая хозяйка ухаживала за нимъ съ нѣжною заботливостью и предложила ему жениться на ея богатой племянницѣ. Онъ изъ благодарности согласился; но узнавъ, по выздоровленіи, что она требовала отъ него перемѣны вѣроисповѣданія, какъ перваго условія для брака, онъ взялъ назадъ свое слово и скрылся. Вмѣстѣ съ двумя товарищами бѣжалъ онъ въ Финляндію, доставъ проводника и крестьянское платье; однакожъ проводникъ выдалъ ихъ во Псковѣ и они были привезены назадъ въ Москву, гдѣ провели три мѣсяца въ тяжкомъ заключеніи. Бывъ выпущены на волю, они назвались Нѣмцами и нанялись въ услуженіе къ Генералу Князю Волконскому, который отправлялся тогда въ армію, находившуюся въ Пруссіи. Когда же Волконскій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ возвратиться въ Москву, то они бѣжали въ Мемель, но здѣсь опять были схвачены, отвезены въ Митаву и посажены въ башню, гдѣ оставались четыре мѣсяца въ оковахъ. Наконецъ Курляндскій Губернаторъ Фитингофъ, услышавъ имя Дальберга и узнавъ, что это племянникъ извѣстнаго Рижскаго Коменданта Графа Дальберга, которому самъ былъ много обязанъ, принялъ участіе въ судьбѣ молодаго человѣка и выкупилъ его, заплативъ Волконскому 200 рикедалеровъ. Проведя зиму у Фитингофа, Дальбергъ весною 1713 года отплылъ въ Швецію, куда и прибылъ благополучно.

Капитанъ *Сталь-фонъ-Гольстейнъ* (Георгій Богуславъ, въ послѣдствіи Баронъ), Нарвскій уроженецъ, попалъ въ плѣнъ въ 1704 году при взятіи Нарвы Русскими. Въ Москвѣ женился онъ на дочери Генерала Барона Горна, жив-

шаго тамъ также въ качествѣ военноплѣннаго. Благодаря стараніямъ жены своей, которая заплатила за него и выкупъ, онъ въ 1711 году возвратился въ Стокгольмъ и тотчасъ же посланъ былъ съ важными депешами къ Королю въ Бендеры. Жена его оставалась еще 11 лѣтъ въ Русскомъ плѣну. Считая себя вдовцемъ, онъ сватался за дѣвицу Риддершанцъ, и уже наступилъ день свадьбы; но, по странному случаю, жена его въ этотъ самый день (въ 1722 г.) возвратилась изъ Россіи, успѣла предупредить незаконную женитьбу и жила съ мужемъ еще около 40 лѣтъ. По смерти ея онъ, на 76 году отъ рожденія, все-же женился на дѣвицѣ Риддершанцъ, которая такимъ образомъ до старости ждала своего суженаго. Лишившись 80-лѣтняго мужа, она плакала неутѣшно и говорила, что почла бы смерть лучшею наградой своей любви.

Поручикъ *Синклеръ*, пріобрѣтшій печальную въ Исторіи извѣстность своею насильственною смертью, жилъ въ Казани до самаго 1722 года, когда съ большею частью плѣнныхъ возвратился въ отечество. О жизни его въ Россіи не сохранилось подробностей. Скажемъ нѣсколько словъ о смерти его. Въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны, вражда Швеціи къ Россіи стала болѣе и болѣе обнаруживаться. Ходили слухи о предстоявшемъ союзѣ между Шведскимъ Королевствомъ и Турціею, съ которою у насъ была тогда война, и слухи эти оказались несомнѣнными, когда Русскій Министръ въ Стокгольмѣ Бестужевъ увѣдомилъ Петербургскій Дворъ, что Шведскій подданный, Маіоръ Синклеръ отправленъ въ Константинополь за ратификаціею союзнаго договора. Это было въ 1739 году. Императрица повелѣла задержать его на обратномъ пути, при проѣздѣ черезъ Польшу, и захватить его бумаги; но

исполнители ея воли переступили данную имъ инструкцію и жестокимъ образомъ умертвили несчастнаго Синклера на проселочной дорогѣ въ Силезіи близъ города Наумбурга (20). Елисавета чрезъ своихъ Министровъ при иностранныхъ Дворахъ торжественно изъявила свое неудовольствіе по случаю этого поступка, какъ противнаго ея приказанію. Явное порученіе, данное Синклеру, состояло въ томъ, чтобы онъ въ Турціи выручилъ всѣ долговыя обязательства Карла XII; по втайнѣ, по всей вѣроятности, дѣйствительно на него возложено было завести тамъ рѣчь о сближеніи между Швеціею и Оттоманскою Портою. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что на сеймѣ 1738 года въ Стокгольмѣ рѣшено было объявить Россіи войну, въ случаѣ если она испытаетъ неудачу въ борьбѣ съ Турціею, и союзъ съ Портою былъ любимою мыслію приверженцевъ покойнаго Короля. Между тѣмъ въ бумагахъ, взятыхъ у Синклера, не найдено ничего по этому предмету; всѣ онѣ въ послѣдствіи отправлены были въ Стокгольмъ черезъ Гамбургъ. Это убійство было одною изъ причинъ, ускорившихъ новый разрывъ между Россіей и Швеціей.

Капитанъ *Рюль*, опасно раненый въ голову подъ Полтавою, находился сначала въ Свіяжскѣ. Здѣсь, какъ и въ Казани, Шведскіе плѣнные въ 1710 году пользовались такою свободою, что могли ходить по городу безъ караула. Вмѣстѣ съ капраломъ драбантовъ *Курселемъ* Рюль составилъ планъ бѣгства (въ Польшу черезъ Украйну); къ

---

(20) Ср. *Вейдемейера*: «Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны». Ч. II, стр. 94, изд. 2-е.

нимъ присоединилось болѣе 150 Офицеровъ и три Нѣмецкіе Драгунскіе полка, которые послѣ Днѣпровской капитуляціи перешли въ Русскую службу и составляли гарнизонъ въ обоихъ названныхъ городахъ. Предпріятіе казалось тѣмъ легче, что въ этихъ мѣстахъ не было вовсе Русскихъ войскъ, за исключеніемъ весьма слабыхъ отрядовъ въ зàмкахъ Казани и Свіяжска. Заговорщики должны были въ извѣстный день напасть на эти отряды въ обоихъ городахъ, умертвить Комендантовъ и всѣхъ Русскихъ Офицеровъ, захватить оружіе, порохъ и казну; потомъ, соединившись, итти въ Польшу и тамъ пристать къ Шведской арміи, бывшей подъ предводительствомъ Генерала Маршалка. Однакожь этотъ планъ не удался: наканунѣ дня, назначеннаго для исполненія его, Шведскій Адъютантъ Бринкъ донесъ о заговорѣ Русскому Коменданту въ Свіяжскѣ, и въ слѣдующую ночь всѣ Шведскіе Офицеры какъ здѣсь, такъ и въ Казани были арестованы. По открытіи зачинщиковъ, Курсель и 12 другихъ Офицеровъ были заключены въ оковы, и въ Клинѣ посажены въ темницу, а Рюль отведенъ въ Казань и тамъ въ подземельѣ башни содержался девять лѣтъ по большей части на хлѣбѣ и на водѣ. Не смотря на эту тяжкую участь, онъ въ 1722 г. возвратился въ Швецію и прожилъ до 65-лѣтняго возраста. Десять соучастниковъ его въ заговорѣ были разстрѣляны. Остальные, какъ уже было упомянуто въ началѣ этой статьи, удалены въ Тобольскъ.

Лейбъ-драбантъ Графъ *Дуглас*ъ, взятый въ плѣнъ подъ Полтавою, жилъ въ Вологдѣ до 1717 года; въ этомъ же году вступилъ добровольно въ Русскую службу и былъ назначенъ Губернаторомъ города Або и всей Финляндіи, которая въ то время была во власти Русскихъ. Онъ озна-

меновалъ свое управленіе жестокостью и лихоимствомъ. Въ 1719 году о Пасхѣ созвалъ онъ къ себѣ множество гостей, и на пирѣ, поссорившись съ значительнымъ Русскимъ Офицеромъ, убилъ его въ пылу гнѣва. По приказанію Главнокомандующаго въ Финляндіи Князя Голицына, онъ былъ тотчасъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ; его приговорили къ смертной казни; но Царь замѣнилъ ее земляною работой. Въ концѣ того же года Петръ I, увидѣвъ Дугласа за тачкою, простилъ его подъ условіемъ доставить въ распоряженіе Государя полкъ пѣхоты изъ Финляндіи. Вступивъ снова въ прежнюю должность, Дугласъ принялъ строгія мѣры для исполненія своего обязательства и выслалъ Петру нѣсколько сотъ человѣкъ, которые потомъ употреблены были въ Персидскомъ походѣ. Въ Абоской соборной церкви хранились останки Св. Генриха, перваго проповѣдника Христіанской Вѣры въ Финляндіи, жившаго въ XIII вѣкѣ: Дугласъ отправилъ ихъ въ Петербургъ. Въ 30 годахъ прошлаго столѣтія Дугласъ, въ чинѣ Генералъ-Аншефа, назначенъ былъ Ревельскимъ Губернаторомъ, но за жестокіе поступки отставленъ, а при Императрицѣ Елисаветѣ и совсѣмъ исключенъ изъ Русской службы. Послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ своемъ Эстляндскомъ имѣніи.

Капитанъ Баронъ *Горнъ*, въ 1708 году, при одной перестрѣлкѣ въ Литвѣ, получилъ нѣсколько тяжкихъ ранъ и обязанъ былъ сохраненіемъ жизни своему вѣрному слугѣ *Лидбому*, который отыскалъ его между лежавшими въ полѣ тѣлами убитыхъ и раненыхъ, и потомъ съ величайшею заботливостью ходилъ за больнымъ, пока не доставилъ ему облегченія. Снова раненый подъ Полтавою, Горнъ при Переволочнѣ попалъ въ плѣнъ и жилъ въ Со-

ликамскѣ. Лидбомъ, хорошо знавшій ремесло сѣдельника, кормилъ и себя и своего господина приготовленіемъ издѣлій, которыя Горнъ разносилъ по городу вмѣстѣ съ корзинами своей собственной работы. Возвратясь въ Швецію въ 1722 году, онъ тамъ еще служилъ 20 лѣтъ, послѣ чего поселился въ своемъ имѣніи Челлере и дожилъ до глубокой старости. Въ воспоминаніе своего плѣна, близъ этого имѣнія онъ построилъ хуторъ и назвалъ его Соликамскомъ, — имя, подъ которымъ это мѣсто и теперь еще извѣстно. Горнъ отличался строгою нравственностью, благочестіемъ, веселымъ характеромъ и дѣлалъ много добра, такъ что имя его до сихъ поръ всѣми уважается въ той сторонѣ. Старому слугѣ своему онъ былъ такъ благодаренъ, что, по возвращеніи изъ плѣна, освободилъ Лидбома отъ всякой обязанности и держалъ при себѣ какъ вѣрнаго товарища, проводилъ съ нимъ цѣлые дни, доставлялъ ему всякія удобства и за столомъ, какіе бы ни были у него гости, всегда сажалъ его возлѣ себя; но Лидбомъ умеръ задолго до своего благодѣтеля, который, желая почтить его память, похоронилъ его въ церкви и поставилъ надъ могилою его красивый памятникъ.

Корнетъ *Эннесъ* взятъ былъ въ плѣнъ при Переволочнѣ и вмѣстѣ съ другими отведенъ, черезъ Смоленскъ, въ Москву, а потомъ въ Симбирскъ. Въ 1711 году онъ, наравнѣ съ бо́льшею частью плѣнныхъ, отправленъ былъ въ Тобольскъ, и здѣсь оставался десять лѣтъ. Благодаря умѣнью точить и ткать, онъ вскорѣ могъ облегчить свое положеніе. Къ этому особенно способствовалъ Губернаторъ Князь Гагаринъ, который, видѣвъ тканые имъ кошельки и чапракъ, свидѣтельствовавшіе о необыкновенномъ искусствѣ, заказалъ ему для большой залы шелко-

вые обои съ золотыми и серебряными цвѣтами; для этой работы Князь доставилъ все нужное и обѣщалъ по рублю за каждый локоть. Такой огромный и медленный трудъ требовалъ нѣсколькихъ рукъ, и потому Эннесъ пріискалъ себѣ троихъ помощниковъ: Ротмистра *Малмина* и Корнетовъ *Горна* и *Барри*. Проработавъ усердно нѣсколько мѣсяцевъ, они примѣтно улучшили свои средства, а въ послѣдніе годы плѣна такъ разбогатѣли, что могли каждое Воскресенье угощать обѣдомъ 12 человѣкъ, самыхъ бѣдныхъ своихъ сотоварищей, которые, не зная никакого ремесла, не были въ состояніи сами добывать себѣ хлѣбъ. Сверхъ работъ этого рода, наблюдательный Эннесъ продолжалъ въ плѣну веденные во время похода записки; но, къ сожалѣнію, часть ихъ сгорѣла потомъ въ Швеціи при пожарѣ, истребившемъ маленькое имѣніе его вдовы. Извѣстіе о мирѣ и радостной перемѣнѣ въ судьбѣ плѣнныхъ прибыло въ Тобольскъ 21 Ноября 1721 года, а въ серединѣ Генваря 1722 освобожденные Шведы отправились, въ нѣсколькихъ партіяхъ, въ Петербургъ, куда и прибыли 21 слѣдующаго Марта, проѣхавъ 2920 верстъ; черезъ нѣсколько дней они весело пустились въ путь на родину, гдѣ Эннесъ, пользовавшійся крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и постояннымъ здоровьемъ, прожилъ до 95-лѣтняго возраста (1773 г.); вдова его умерла 85 лѣтъ отъ роду (1789).

Капитанъ *Страленбергъ*, — Авторъ извѣстнаго сочиненія о Россіи — избѣгнулъ плѣна при Полтавѣ и уже переправился-было благополучно черезъ Днѣпръ; но, не находя своего брата между спасенными, хотѣлъ помочь ему, возвратился въ челнокѣ на лѣвый берегъ и самъ попалъ во власть Русскихъ, между тѣмъ какъ братъ его успѣлъ въ другомъ мѣстѣ уйти отъ нихъ. Капитанъ Стра-

ленбергъ отведенъ былъ сперва въ Москву, а потомъ въ Сибирь. Въ продолженіе тринадцатилѣтняго плѣна онъ ѣздилъ по этой странѣ для снятія карты ея и окончивъ трудъ свой, отправилъ его въ Москву къ какому-то купцу на сохраненіе. По смерти купца, карта представлена была Петру Великому, который приказалъ, чтобы составитель, когда потребуетъ ее назадъ, приведенъ былъ къ Государю. Провѣдавъ объ этомъ, Страленбергъ продолжалъ свои разъѣзды, чтобы со временемъ поднести Петру карту Сибири въ улучшенномъ видѣ. По заключеніи мира, прибывъ въ Петербургъ, онъ дѣйствительно представилъ свою новую карту Императору, который будто бы предлагалъ ему мѣсто Директора Межевой Конторы. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ возвращенія въ Швецію, именно въ 1730 году, Страленбергъ издалъ въ Любекѣ свою карту, а вмѣстѣ съ нею и текстъ на Нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Историческое описаніе Сѣверной и Восточной части Европы и Азіи» (Historische Beschreibung vom Nord- und Ostlichen Theil von Europa und Asia). Не смотря на грубыя ошибки и ложныя показанія, которыми, особенно въ отношеніи къ Россіи, исполнено это сочиненіе, оно въ свое время обратило на себя вниманіе Западной Европы и долго служило источникамъ географическихъ свѣдѣній о странахъ, которымъ посвящено. Страленбергъ продолжалъ въ Швеціи свое военное поприще, былъ Комендантомъ крѣпости, достигъ 70-лѣтняго возраста и умеръ, въ чинѣ Маіора, въ 1747 году, не бывъ никогда женатымъ.

Особенную занимательность Эннесовой книгѣ придаютъ помѣщенныя въ концѣ ея записки, веденныя въ Россіи нѣкоторыми изъ плѣнныхъ и доставленныя издателю потомками ихъ. На первый разъ представимъ здѣсь

Извлеченіе изъ записокъ Прапорщика Густава Абрама Пипера, въ послѣдствіи Генералъ-Маіора и Губернатора.

Прибывъ въ 1708 году въ Ригу, Пиперъ вмѣстѣ съ 15-ю другими Офицерами отправился въ Литву, чтобы присоединиться къ Шведской арміи; они надѣялись застать ее еще въ Минскѣ, но нагнали не ближе, какъ въ Могилевѣ. Описавъ потомъ нѣкоторые переходы своего полка и незначительныя стычки съ Русскими отрядами, онъ разсказываетъ свои страданія отъ лихорадки и мороза, который въ тогдашнюю зиму, какъ и въ 1812 году, достигалъ необыкновенной степени; наконецъ, сидя въ плохо-запертомъ фургонѣ, онъ отморозилъ себѣ обѣ ноги, лежалъ въ лазаретѣ въ городкѣ Веприкѣ, занятомъ Шведами, и едва не лишился ногъ, которыя наконецъ, благодаря искусному фельдшеру, начали оправляться.

Въ Апрѣлѣ 1709 года, продолжаетъ Пиперъ, получили мы приказаніе выступить въ походъ и двинулись къ Полтавѣ. Я лежалъ въ фургонѣ. Когда полковой обозъ долженъ былъ проѣзжать передъ Королемъ, я завидѣлъ издали Его Величество въ сопровожденіи свиты, состоявшей человѣкъ изъ 50-ти, ѣхавшихъ намъ на встрѣчу верхомъ. Такъ какъ я лежалъ полураздѣтый на постелѣ, и крыша фургона была вполовину откинута для очищенія въ немъ воздуха, то мнѣ показалось неприличнымъ поклониться Королю въ такомъ видѣ, почему и оборотился спиною къ отверстію фургона и притворился спящимъ. Король, продолжая скакать вдоль цуга повозокъ, подъѣхалъ наконецъ къ моему фургону, остановился и спросилъ ѣхавшаго рядомъ съ нимъ Полковника Аппельгрена: «Кто это

лежитъ въ повозкѣ»? Тотъ отвѣчалъ: «Это несчастный Прапорщикъ Пиперъ, который отморозилъ себѣ ноги». Король подъѣхалъ еще ближе и наклонившись къ повозкѣ, спросилъ у слуги: «Спитъ онъ или нѣтъ»? на что слуга отвѣчалъ: «Не знаю; развѣ только что уснулъ». И какъ Король стоялъ со своею лошьдью близехонько отъ меня, то мнѣ казалось неловкимъ лежать спиной къ нему, а когда я повернулся, то онъ спросилъ меня: «Что, каково вамъ»? Я отвѣчалъ: «Еще очень плохо, Ваше Величество: не могу ступить ни на которую ногу». «А что, сказалъ Король: онѣ у васъ цѣлы»? Я отвѣчалъ, что лишился пятокъ и пальцевъ. «Э! ничего не значитъ», перервалъ Король; потомъ, положивъ свою ногу на сѣдельную луку, онъ обвелъ рукою полступни и прибавилъ: «Я видѣлъ людей, которые потеряли всю эту часть ноги, а ходили не хуже прежняго — набивши только сапогъ! Что говоритъ объ этомъ фельдшеръ»?—спросилъ Король, обратясь къ Аппельгрену. «Фельдшеръ полагаетъ, отвѣчалъ Полковникъ, что онъ еще будетъ ходить». «А будетъ ли бѣгать»? возразилъ Король. «Пусть благодаритъ Бога, замѣтилъ Аппельгренъ, если будетъ въ состояніи ходить, а о бѣганьѣ, кажется, ему ужь нечего думать». Отъѣхавъ не много, Король сказалъ Аппельгрену, отъ котораго я послѣ узналъ о томъ: «Жаль его: такой еще молодой человѣкъ»!

Во время осады Полтавы, я, для пріятности общества, былъ въ одной палаткѣ съ Поручикомъ Барономъ Унгерномъ и мало-по-малу началъ оправляться: сперва могъ только сидѣть, свѣсивъ ноги внизъ, потомъ съ палкой въ рукахъ сталъ немножко передвигаться, придерживаясь къ стѣнкѣ, а наконецъ пробовалъ и ѣздить верхомъ.

Унгернъ, изъ участія во мнѣ, находя, что я только ослабѣваю въ душной палаткѣ, которую весь день палило солнце, уговорилъ меня переселиться къ другу его, служившему въ Альбедилевыхъ драгунахъ, Капитану Пастельбергеру, который тогда стоялъ въ деревнѣ Кведурки, въ 10-ти верстахъ отъ Полтавы. Вмѣстѣ съ нимъ я поѣхалъ туда верхомъ; Пастельбергеръ принялъ меня очень радушно и угощалъ всячески, такъ что силы мои быстро возстановились. По прошествіи мѣсяца, Альбедилеву полку приказано было выступить и расположиться поближе къ Полтавѣ; вскорѣ послѣ того, въ одинъ день, вся армія должна была стать въ боевомъ порядкѣ и ожидать прибытія Русскихъ, которые въ 10 верстахъ оттуда переходили черезъ Ворсклу. Но они не имѣли намѣренія атаковать насъ, и какъ скоро ступили на берегъ, то укрѣпились за линіею редутовъ или шанцевъ. Когда Карлъ XII услышалъ, что Русскіе къ нападенію не готовятся, то онъ на 5 верстъ придвинулся съ своею арміею на встрѣчу имъ и простоялъ тамъ дня два, пока они окончили свою работу. Въ одинъ вечеръ обозъ получилъ приказаніе итти опять на 5 верстъ назадъ, а для прикрытія его оставлено было шесть слабыхъ полковъ, считавшихъ въ себѣ менѣе 1000 человѣкъ, да тысячи двѣ или три Запорожскихъ Казаковъ. Въ 3 часа утра пальба возвѣстила намъ начало сраженія; какъ выстрѣлы слышались все далѣе и далѣе, то мы сочли это добрымъ знакомъ. Наконецъ въ 2 часа по полудни 28 Іюня раздались два безконечно-долгіе залпа и въ слѣдъ за тѣмъ передъ обозомъ показалась толпа непріятелей; но какъ скоро прикрывавшій насъ отрядъ двинулся противъ нихъ, они отступили. Вскорѣ явились изъ па-

шей арміи бѣжавшіе солдаты, отъ которыхъ мы узнали о ея пораженіи.

Насъ очень тревожила неизвѣстная участь Короля; наконецъ въ 5 часовъ вечера мы его увидѣли: онъ медленно ѣхалъ верхомъ, съ поднятою на сѣдло ногою, на которой перевязка была распущена. Въ 8 часовъ обозу было велѣно тотчасъ же тронуться, и въ ту ночь сдѣлалось такое смятеніе, какого никто не могъ бы ожидать отъ столь побѣдоносной арміи: еслибъ непріятель тогда преслѣдовалъ насъ, то и Король и остальная часть арміи непремѣнно погибли бы: потому что никто не слушался и всякій шелъ куда вздумается — только бы обогнать другихъ. Въ такомъ безпорядкѣ мы на другой день вечеромъ прибыли въ мѣстечко, гдѣ Подполковникъ Функъ стоялъ съ тремя стами Драгуновъ; Пастельбергеръ, который также былъ здѣсь, взялъ меня къ себѣ на квартиру, гдѣ я, подкрѣпивъ себя пищей и питьемъ, могъ отдыхать шесть часовъ сряду. Эскадроны начали собираться вокругъ своихъ знаменъ, и въ 7 часовъ вечера двинулись къ Кобелякамъ и Днѣпру, по теченію рѣки Ворсклы. Но тутъ мы увидѣли, верстахъ въ трехъ вправо отъ насъ, Русскія войска, шедшія въ полѣ параллельно съ нами. Миновавъ Кобеляки, гдѣ съ 300 конницы стоялъ Подполковникъ (въ послѣдствіи Фельдмаршалъ) Сильверъельмъ, мы весь слѣдующій день продолжали итти, страдая отъ ужаснаго зноя и невыносимой жажды, а въ 8 часовъ вечера, достигнувъ Днѣпра, стали внизу у самой рѣки, кромѣ Мейерфельтскаго полка, который расположился на высотѣ. Русская армія заняла также возвышенное поле верстахъ въ двухъ съ половиною отъ того полка и обступила насъ въ видѣ полумѣсяца, имѣя пѣхоту въ центрѣ, а конницу — на флан-

гахъ; судя по глазомѣру, она составляла около 30,000 человѣкъ; начальствовали ею Князь Меншиковъ и Генералы Боуръ и Голицынъ (21).

Я въ то время находился у Капитана Пастельбергера, при Альбедилевомъ полку. Въ ночь къ намъ прибыло изъ арміи множество больныхъ и раненыхъ, изъ которыхъ одни благополучно переправились черезъ Днѣпръ, а другіе потонули. Будучи боленъ и въ отпуску, я также могъ бы перевезтись съ Барономъ Унгерномъ, раненымъ подъ Полтавой; но какъ я однакожь могъ уже порядочно сидѣть верхомъ, то рѣшился остаться у Пастельбергера и ждать, что̀ намъ пошлетъ судьба,— въ надеждѣ, что, имѣя еще 12,000 хорошей конницы, мы успѣемъ пробиться, а потомъ въ удобномъ мѣстѣ переправимся черезъ Днѣпръ и бросимся въ Волынь, куда могли бы послѣдовать за нами только легкіе, вовсе не страшные для насъ, непріятельскіе отряды. Подъ утро 1 Іюля Его Величество переправился черезъ рѣку, поручивъ начальство надъ арміею Графу Левенгаупту. Отрадно было смотрѣть, какъ воины, лежа на травѣ за связанными лошадьми и держа въ рукахъ свои маленькіе молитвенники, предавали себя въ волю Божію, послѣ чего, когда пропѣтъ былъ псаломъ, скомандовано садиться на коней и всѣ стали готовиться къ атакѣ. Однакожь едва прошло нѣсколько минутъ, какъ отъ одного эскадрона къ другому стали ходить нѣкоторые изъ Офицеровъ, вывѣдывая, надѣются ли войска отбиться отъ непріятеля, окружившаго насъ сильнымъ

---

(21) По журналу Петра Великаго, Русскихъ въ Переволочну пришло только 9,000 человѣкъ, тогда какъ Шведскаго войска здѣсь было 16,000. Кн. Меншиковъ не былъ отправленъ вмѣстѣ съ Голицынымъ и Боуромъ, а прибылъ послѣ въ подкрѣпленіе ихъ.

корпусомъ пѣхоты и артиллеріи. Тогда я слышалъ собственными ушами, какъ драгуны Альбедилевой лейбъ-роты, состоявшей почти изъ однихъ ветерановъ, которые нѣкогда служили въ Венгріи и въ другихъ странахъ, отвѣчали: «Зачѣмъ насъ теперь объ этомъ спрашиваютъ? Прежде насъ никогда не спрашивали, а только все говорили: впередъ. Мы не можемъ сказать, разобьемъ ли ихъ, а сдѣлаемъ все, что въ человѣческой власти».

Тотчасъ послѣ того намъ сказали, что состоялась капитуляція, что всѣ мы — военноплѣнные и что, по заключеніи мира, будемъ освобождены безъ выкупа. Когда драгунскій полкъ Генерала Боура сталъ сходить съ возвышенности для пріема оружія и трофеевъ арміи, я удивился, увидѣвъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находились эти драгуны: при сходѣ ихъ съ горы, отъ 10 до 20 лошадей падало въ каждомъ эскадронѣ отъ изнуренія, а прочія едва стояли на ногахъ, шатаясь и пыхтя, такъ что наши эскадроны, величаво (?) подступавшіе для сдачи оружія, легко могли бы опрокинуть ихъ (?). Оружіе, бубны и штандарты положены были передъ этимъ обезсиленнымъ (?) войскомъ, и наши люди отъѣхали назадъ безоружные: горестное зрѣлище, на которое не льзя было смотрѣть безъ слезъ! Насъ, Офицеровъ, потомъ распредѣлили по полкамъ, при которыхъ и записали имена наши, въ слѣдующій же день пошли мы обратно къ Полтавѣ, куда прибыли черезъ двое сутокъ и увидѣли армію, расположенную лагеремъ передъ самымъ городомъ. Черезъ городъ провели насъ какъ будто бы въ тріумфѣ, и, безъ сомнѣнія, Царь смотрѣлъ на насъ откуда-нибудь изъ окна.

Простоявъ недѣлю, вся Русская армія тронулась съ мѣста и нѣсколько дней мы шли съ нею; но напослѣдокъ

всѣхъ плѣнныхъ Офицеровъ раздѣлили на три отдѣленія. Я остался съ Пастельбергеромъ и попалъ въ то отдѣленіе, которому назначено было итти въ Черниговъ: оно состояло изъ 400—500 Офицеровъ, подъ прикрытіемъ Русскаго полка. Отъ зноя я такъ страдалъ жаждой и лихорадкой, что пришелъ въ совершенное изнеможеніе. Чѣмъ болѣе я удовлетворялъ жажду, тѣмъ мнѣ было хуже. Наконецъ я уже вовсе не могъ ѣхать верхомъ и, съ позволенія Русскаго Полковника, пересѣлъ въ крестьянскую тележку, въ которой повезъ меня добрый Русскій солдатъ. Въ такомъ-то положеніи прибылъ я въ Черниговъ, въ Августѣ мѣсяцѣ; тамъ насъ помѣстили въ предмѣстіи.

Потомъ перевели насъ въ крѣпость, и безъ особеннаго позволенія мы не могли выходить изъ городскихъ воротъ, по городу же ходили безъ караула. Во время пребыванія нашего въ Черниговѣ, я и товарищъ мой старались найти возможность бѣжать. Насъ было три дома, которые сговаривались о томъ, именно: Ротмистръ *Бокъ* съ шестью товарищами, Маіоръ *Бандгольцъ* самъ-четвертъ, и я, то же самъ-четвертъ. Всего болѣе насъ озабочивалъ переходъ черезъ Днѣпръ, на которомъ, какъ мы знали, въ 70-ти верстахъ отъ Чернигова, стоялъ казацкій постъ изъ 30-ти человѣкъ, почему мы и собрали по этому предмету всѣ справки черезъ нашего стараго, безрукаго Казака, который вылечилъ меня отъ лихорадки. Бокъ и Бандгольцъ, у которыхъ еще были лошади, послали своихъ людей за городъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ нужно было запастись сѣномъ: тѣ и развѣдали о направленіи и обо всѣхъ подробностяхъ дороги, до самаго Днѣпра. Когда все было приготовлено, мы достали лошадей и оружіе. Бокъ и Бандгольцъ выпросили у Ко-

мендапта позволеніе отправиться верхомъ въ деревню для покупки сѣна. Я съ товарищами надѣялся получить такое же позволеніе отъ Плацъ-Маіора; но какъ его на ту пору не было въ городѣ, то одинъ изъ насъ, Корнетъ Линдау, пошелъ къ Офицеру, стоявшему въ караулѣ у городскихъ воротъ. Послѣ многихъ затрудненій, онъ согласился на нашу просьбу; но прошло часа два пока намъ дали караульныхъ. Мы поѣхали верхомъ изъ города; но какъ проводникъ былъ при партіи Бока, то мы не знали дороги. Около полудня увидѣли мы Бандгольца съ его спутниками; у нихъ также былъ проводникъ; но, полагая, что двѣ другія партіи успѣли уже ускакать далеко, они не думали болѣе о побѣгѣ, и хотѣли только немного попользоваться свободою. Мы въ полѣ стали сговариваться о исполненіи прежняго плана, но на бѣду два Офицера изъ свиты Бандгольца никакъ не рѣшались на это. Мы бы должны были пересилить бывшихъ при насъ четырехъ солдатъ и Комендантскихъ егерей съ двумя Офицерами, а насъ было всего только шесть человѣкъ. Къ тому же начинало смеркаться и мы, пожалуй, догнали бы партію Бока не прежде, какъ когда бы она уже сдѣлала тревогу на Днѣпрѣ. И такъ мы, въ крайней досадѣ, поспѣшили назадъ въ городъ, спрятавъ оружіе подъ платье, и прибыли, къ счастію, когда никто еще не замѣтилъ нашего отсутствія, такъ что мы могли тотчасъ же зарыть наше оружіе и огнестрѣльные припасы. Въ полночь пришелъ къ намъ на квартиру Плацъ-Маіоръ и, спрашивая, кто намъ позволилъ отлучиться, искалъ по всему дому оружія, однакожь ничего не нашелъ. Послѣ узнали мы, что партія Бока до полуночи ждала насъ въ одномъ помѣстьѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Днѣпра, но не

дождавшись, напала на караульныхъ, и связавъ имъ руки и ноги, а въ ротъ положивъ кляпы, бросила ихъ въ сторону отъ дороги, потомъ ночью заняла паромъ прежде нежели Казаки успѣли помѣшать ей, переправилась черезъ рѣку и, поскакавъ по Волыни, благополучно возвратилась въ Швецію.

Послѣ того мы оставались въ Черниговѣ до 8 Декабря; въ этотъ же день повели насъ въ Москву подъ стражею пѣхотнаго полка. Мы опять начали сговариваться о побѣгѣ, замышляя истребить весь полкъ; это предпріятіе, которое занимало всѣхъ болѣе стараго смѣльчака, Подполковника Фрейденталя, казалось тѣмъ легче, что наша стража обнаруживала чрезвычайную безпечность и клала свои ружья на наши повозки. Но одинъ изъ нашихъ, Маіоръ и большой трусъ, открылъ этотъ замыселъ Русскому Полковнику: съ тѣхъ поръ стража стала гораздо бдительнѣе, не выпускала ружей изъ рукъ, и не давала намъ отдыха ни днемъ, ни ночью. У меня раны еще не зажили, и потому я, не имѣя времени перевязывать ихъ, страдалъ ужасно; однакожь дня за четыре или за пять до Рождества (20 Декабря) я благополучно пришелъ въ Москву, гдѣ на другой или на третій день происходило торжественное шествіе Царя чрезъ семь тріумфальныхъ воротъ; я, какъ больной, былъ освобожденъ отъ участія въ процессіи, да ноги мои и не вынесли бы того. Всѣхъ насъ больныхъ провезли на другой день въ саняхъ по тѣмъ же улицамъ и помѣстили на особой квартирѣ. Здѣсь каждый день насъ свидѣтельствовали и позволяли намъ ходить съ карауломъ по всему городу, кромѣ Нѣмецкой слободы.

1710. Послѣ четырехнедѣльнаго здѣсь пребыванія насъ отправили изъ Москвы въ другія мѣста внутри края,

при чемъ мы были раздѣлены на отряды, каждый изо ста Офицеровъ. Меня съ Пастельбергеромъ и Офицерами Нѣмецкихъ драгунскихъ полковъ повезли Вологодской Губерніи въ городъ Галичъ (22), до котораго 500 верстъ отъ Москвы. Путь нашъ лежалъ черезъ Переяславль-Рязанскій, Ярославъ и Кострому, и въ началѣ Февраля прибыли мы на мѣсто.

Около весны стали мы — числомъ отъ 10 до 12 Офицеровъ — опять совѣщаться о бѣгствѣ, на этотъ разъ черезъ Финляндію, и уже достали себѣ ландкарту, компасъ, оружіе и огнестрѣльные припасы; но одинъ Адъютантъ, по имени Бринкъ, котораго мы для языка приглашали съ собою, явился къ Оберъ-Коменданту, и донесъ о нашемъ намѣреніи; къ счастію, мы за часъ передъ тѣмъ провѣдали о его измѣнѣ и успѣли еще скрыть приготовленныя къ отъѣзду вещи. Правда, насъ все-же взяли и посадили въ Приказъ; Корнета Линдау заковали даже въ цѣпи, а помогавшую намъ Русскую женщину наказали; но мы обвинили Бринка во лжи и дотого надоѣдали Оберъ-Коменданту, что онъ радъ былъ отъ насъ отдѣлаться, поставивъ насъ на прежнюю ногу.

1711. Въ Галичѣ, городѣ не очень большомъ, насъ было довольно много — именно 100 человѣкъ Офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ. Въ праздничные дни нерѣдко случались драки между нами и Русскими. Наконецъ рѣшено было раздѣлить насъ: 50 человѣкъ должны были остаться, 30 назначено отправить въ Солигаличь и 20 — въ Чухлому. Мнѣ Комендантъ предлагалъ остаться; но

(22) Нынѣ Костромской Губерніи.

какъ товарищу моему надобно было ѣхать въ Чухлому, то я предпочелъ присоединиться къ нему: въ Февралѣ мѣсяцѣ мы пустились въ дорогу.

Житье наше въ Чухломѣ было тѣмъ тягостнѣе, что мы, будучи безъ денегъ, не могли помогать другъ другу. Намъ было запрещено посылать письма куда бы ни было, кромѣ Галича. Нѣкоторые изъ насъ впали отъ того въ совершенное отчаяніе, между прочими одинъ Корнетъ хорошей фамиліи, который и принялъ Русскую Вѣру. Другихъ горе привело къ благочестивымъ размышленіямъ о состояніи души ихъ; жаль только, что мы имѣли большой недостатокъ въ духовныхъ книгахъ; съ нами только и было нѣсколько сборниковъ церковныхъ пѣсенъ и кое-какія религіозныя сочиненія, тѣ и другія на Нѣмецкомъ языкѣ. Библію имѣли мы въ одномъ только экземплярѣ, да и то неполномъ: листы, заключавшіе въ себѣ Малыхъ Пророковъ, были вырваны. Мнѣ поручили должность Пастора, и чтобы распространить между нами церковныя пѣсни въ большемъ числѣ экземпляровъ, я сталъ переписывать ихъ. Надобно было придумать и средство для прокормленія себя: я переписалъ также нѣсколько экземпляровъ «Кавалерійскаго ученія», и болѣе достаточные изъ жившихъ въ Галичѣ Офицеровъ платили мнѣ по рублю за экземпляръ, но сбытъ и тамъ былъ плохой. Тогда я соединился съ однимъ Корнетомъ, который умѣлъ работать разныя вещицы изъ рога; онъ дѣлалъ роговыя табакерки, а я вырѣзывалъ на нихъ листья и девизы; Русскіе платили намъ отъ 6 до 12 коп. за штуку, но и ихъ покупали у насъ не много. Слуга мой прибѣгнулъ къ фельдшерскому ремеслу, и, выучившись у меня дѣлать пластыри и перевязывать раны, могъ за счастливое леченіе выручить столько же,

сколько я за табакерку. Такими неприбыльными ремеслами невозможно было бы содержать себя, еслибъ съѣстные припасы не были здѣсь чрезвычайно дешевы: бочка ржи стоила 30 коп., быкъ 80 коп. (за продажею кожи и сала одно мясо стоило 30 коп.), 40 яицъ 1 коп., 6 цыплятъ 1 коп., 1 баранъ 7 или 8 коп., 4 зайца 1 коп., и проч. Но въ этотъ годъ открылся въ тѣхъ мѣстахъ скотскій падежъ, такъ что изо 100 коровъ въ городѣ не осталось и 7-ми; отъ этого цѣны нѣсколько возвысились и средства къ пропитанію все становились труднѣе, такъ что я и товарищъ мой, вставая поутру, частехонько не знали, какъ проживемъ до вечера.

Но мы научились уповать на Промыслъ Божій, и я долженъ воздать хвалу Господу, потому что никогда не отходилъ ко сну голодный. Въ примѣръ того, съ какою дивною благостью Провидѣніе пеклось о насъ, я долженъ привести слѣдующее. Въ одно лѣтнее утро, когда мы только-что встали, товарищъ мой сказалъ: «Богъ знаетъ, что мы сегодня будемъ ѣсть; у насъ нѣтъ ни припасовъ, ни денегъ». Я ничего не умѣлъ отвѣчать на это и сѣлъ писать къ столу, а онъ расположился у открытаго окна и сталъ смотрѣть на улицу. Въ то самое время мимо нашего дома шелъ такъ-называемый Приставъ, знакомый намъ *Василій*. Увидѣвъ Пастельбергера, онъ сказалъ: «Что ты сидишь сложа руки и такъ пригорюнился»? Тотъ отвѣчалъ: «Намъ времени некуда дѣвать, и житье наше не радостное, когда нечего ѣсть». Тогда Приставъ вошелъ къ намъ съ этими словами: «Не унывайте, Богъ вамъ поможетъ. Я радъ дѣлиться съ вами чѣмъ могу. Я сейчасъ отъ Коменданта, который по одному дѣлу посылаетъ меня въ деревню, и для этого мнѣ нельзя остаться безъ денегъ;

но вотъ мой кошель: высыпьте изъ него на столъ все, что въ немъ есть; половину отдайте мнѣ на дорогу, а другую возьмите себѣ». Пастельбергеръ опросталъ кошелекъ; въ немъ оказалось 16 копеекъ, изъ которыхъ мы и получили 8.

1712. Какъ ни горько провелъ я предшедшій годъ, однакожь первая половина этого была самымъ тяжелымъ временемъ моей жизни: чтобы дать о томъ понятіе, довольно сказать, что я и человѣкъ мой вмѣстѣ проживали не болѣе 12 коп. въ мѣсяцъ. Пища наша главнымъ образомъ состояла въ овсяной похлебкѣ и толстыхъ, довольно сухихъ блинахъ. Наконецъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ Коммиссаріатъ изъ Москвы прислалъ намъ по 6 талеровъ серебромъ на брата, а я сверхъ того получилъ 6 рублей отъ Генерала Графа Пипера: такимъ образомъ намъ было чѣмъ уплатить наши маленькіе долги, кредитъ нашъ поправился и мы въ остальную часть года могли быть менѣе недовольны своимъ положеніемъ.

1713. Въ началѣ этого года намъ доставлено еще небольшое пособіе изъ Москвы, что̀ вмѣстѣ съ деньгами, прежде выданными мнѣ изъ казны во время моего плѣна, составило около 60 талер. сер.: болѣе я ровно ничего не получилъ за семь лѣтъ службы и всѣ невзгоды, которыя въ продолженіе ихъ вытерпѣлъ. Около Иванова дня прибылъ къ намъ новый Комендантъ или Воевода: прежній, по имени Майковъ, человѣкъ строгій и крутой, былъ отозванъ въ Петербургъ, а на мѣсто его назначенъ Рязановъ. Когда онъ насъ принималъ, то на перекличкѣ, услышавъ мое имя, спросилъ, родня ли я Генералу Графу Пиперу; я отвѣчалъ утвердительно. «Ты такъ худо одѣтъ», продолжалъ онъ: «развѣ онъ тебѣ не помогаетъ»? Я ска-

залъ, что вѣроятно Графъ ничего не знаетъ о моемъ положеніи, такъ какъ намъ запрещено писать къ кому бы ни было; но что, впрочемъ, если я буду на поруки отпущенъ въ Москву, то не сомнѣваюсь, что Генералъ окажетъ мнѣ вспоможеніе. Воевода отвѣчалъ, что самъ онъ не имѣетъ права дать мнѣ отпускъ въ Москву, но что онъ позволитъ мнѣ съѣздить въ Вологду къ начальнику его, Вице-Губернатору, у котораго я и могу отпроситься въ Москву. Черезъ нѣсколько дней, именно 12 Іюня, онъ выдалъ мнѣ паспортъ и я отправился въ Вологду, гдѣ Вице-Губернаторъ, по просьбѣ и за ручательствомъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему Шведскихъ Офицеровъ, разрѣшилъ мнѣ побывать въ Москвѣ.

Пробывъ въ этой столицѣ нѣсколько недѣль и успѣвъ хоть сколько-нибудь запастись платьемъ и деньгами, я хотѣлъ уже возвратиться въ Чухлому — радуясь, что коекакъ поправилъ свои дѣла; но судьба устроила иначе. Въ бытность мою въ Москвѣ, я въ свободные часы помогалъ Секретарямъ Седеръельму и Дюбену, а также придворному проповѣднику Нордбергу переписывать начисто разныя бумаги; мой почеркъ имъ понравился и они, замѣчая во мнѣ склонность къ письмоводству, желали удержать меня поближе къ себѣ, а потому и предложили мнѣ лучше остаться въ Москвѣ, чѣмъ ѣхать опять за тридевять земель, въ такую глушь, гдѣ я уже столько вытерпѣлъ. Я отвѣчалъ, что и самъ былъ бы очень доволенъ тѣмъ, только боюсь, не было бы это непріятно Графу Пиперу. Тогда они вызвались переговорить съ нимъ обо мнѣ, и черезъ нѣсколько дней дѣйствительно устроили дѣло такъ, что Московскій Комендантъ принялъ меня въ свое вѣдѣніе и написалъ о томъ къ Вице-Губернатору въ Вологду.

На меня возложено было вести довольно обширную переписку Его Сіятельства Графа Пипера какъ съ Королемъ, такъ и съ Русскимъ Правительствомъ по дѣламъ плѣнныхъ, далѣе съ Шведскими властями и Коллегіями, а также со всѣми разсѣянными по Россіи отдѣленіями нашихъ плѣнныхъ Офицеровъ. Сверхъ того я получилъ приказаніе переписывать на-бѣло реестръ всѣмъ письмамъ и отношеніямъ, изготовленнымъ въ плѣну отъ имени Графовъ Пипера, Реншильда и другихъ Шведскихъ Генераловъ,— что́ составило обширный трудъ, заключавшій въ себѣ болѣе 200 шестилистовыхъ тетрадей.

1714. Еще я переписывалъ на-чисто, съ особеннымъ усердіемъ и тщаніемъ, молитвы, переведенныя Графомъ Пиперомъ изъ Нѣмецкаго сочиненія Арндта: «Истинное Христіанство», такъ что у меня въ работѣ недостатка не было. Находя въ томъ свою пользу, я трудился неутомимо и этимъ наконецъ снискалъ благорасположеніе Графа, человѣка вообще строгаго и взыскательнаго. Во время пребыванія у Его Сіятельства, въ Августѣ мѣсяцѣ, я тяжко занемогъ, и нѣсколько дней былъ такъ плохъ, что самъ не зналъ, живъ ли я или мертвъ; но вскорѣ опять выздоровѣлъ и совсѣмъ поправился.

Дней за десять до Рождества, въ томъ же году, къ Московскому Коменданту Измайлову пришло царское повелѣніе: Графа Пипера немедленно отвезти въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобъ при немъ не было никого, кромѣ его камердинера, одного лакея и повара. Это предписаніе объявлено было Графу въ 9 часовъ утра, а въ 6 ч. вечера онъ былъ уже въ дорогѣ. Самъ онъ былъ сильно встревоженъ; не менѣе поражены были и мы, его домашніе люди, особливо когда онъ, прощаясь, сказалъ: «будь я годами двад-

цатью моложе, мнѣ мало было бы горя». У него была маленькая собачка, которую онъ чрезвычайно любилъ: «не хочу, чтобъ она пропала, если я умру, сказалъ онъ: и такъ возьми ее къ себѣ и не обижай ее, хотя она не жаловала тебя (она никогда не давала мнѣ подойти къ Графу ближе какъ шаговъ на пять), а ежели возвратишься въ Швецію, отдай ее моей Графинѣ». Въ ту же минуту я взялъ собачку къ себѣ и отнесъ въ свою комнату; она привязалась ко мнѣ такъ же, какъ къ Графу, но не долго радовала меня: не брала ничего въ ротъ и частью съ голоду, частью съ печали умерла черезъ три недѣли.

1715. Я, вмѣстѣ съ прочими домашними людьми Графа, оставался съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, живя въ тишинѣ на той же квартирѣ; но Генералы, Полковники и другіе Офицеры были развезены по близлежащимъ монастырямъ. Въ началѣ Февраля Московскій Комендантъ получилъ изъ Петербурга приказаніе выбрать изъ числа плѣнныхъ одного Капитана, одного Поручика, трехъ Прапорщиковъ, одного Пастора и одного коммиссара и прислать ихъ въ Петербургъ для размѣна. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось, чтобы эти люди были изъ старшихъ плѣнныхъ, не принадлежали къ знатному роду и не служили въ Гвардіи или лейбъ-полкахъ. Не соединяя въ себѣ этихъ условій, я вовсе не думалъ объ освобожденіи, но придворный проповѣдвѣдникъ Нордбергъ хлопоталъ о своемъ отъѣздѣ. Разъ, когда я сидѣлъ за своимъ дѣломъ, вошелъ ко мнѣ полковой Пасторъ Линдбергъ, очень знающій и благочестивый человѣкъ, и спросилъ меня, не стараюсь ли я попасть въ число плѣнныхъ, назначаемыхъ для размѣна. Я отвѣчалъ, что, будучи теперь совершенно спокоенъ духомъ, стану

терпѣливо ожидать, когда по волѣ Божiей придетъ часъ освобожденiя: потому что, не имѣя ни требуемыхъ качествъ, ни денегъ, я не могу надѣяться быть выбраннымъ. Но добрый Пасторъ ободрилъ меня, обѣщалъ мнѣ свою помощь и прибавилъ, что онъ постарается устроить дѣло черезъ знакомую ему даму, вдову Подполковника Мортона, которая, по дружбѣ съ семействомъ Коменданта, можетъ въ этомъ случаѣ быть намъ полезною. Въ самомъ дѣлѣ, при посредничествѣ Г-жи Мортонъ, я былъ включенъ въ списокъ освобождаемыхъ, названъ *Пейферомъ* и причисленъ, въ чинѣ Прапорщика, не къ гвардiи, а къ Остготской пѣхотѣ.

Теперь надобно было достать денегъ и вексель на имя какого-нибудь купца въ Петербургѣ, гдѣ также предстояли мнѣ разныя издержки. Я сбирался обратиться въ Москвѣ къ купцу Шлитерну, который снабжалъ Шведскихъ Офицеровъ векселями, и потому просилъ Полковника Барона Горна и Секретаря Дюбена поручиться за меня. Когда я пришелъ къ Шлитерну, онъ тотчасъ изъявилъ готовность ссудить меня деньгами; увидѣвъ же принесенныя мною поручительства, сказалъ: «Was soll ich mit den Papieren machen? Ich glaube, dass er ein ehrlicher Mensch ist, und wird mir zu seiner Zeit wohl bezahlen (т. е. На что мнѣ эти бумаги? Я вѣрю, что вы честный человѣкъ и въ свое время расплатитесь со мною исправно)». Я поблагодарилъ его за довѣренность и отослалъ обоимъ поручителямъ бумаги ихъ съ благодарностью.

Черезъ нѣсколько дней, въ срединѣ Февраля, пустились мы въ дорогу; насъ было семь человѣкъ: придворный проповѣдникъ Магистръ Нордбергъ, Капитанъ Меландеръ, Поручикъ Лаппъ, я, Прапорщики Гультъ и Ротфельтъ и

Герсъ, сверхъ того пять служителей; бывшая при насъ стража состояла изъ капрала и четырехъ нижнихъ чиновъ. Въ какомъ-то городкѣ, не далѣе какъ верстахъ въ 60 отъ Москвы, встрѣтили мы непріятную задержку. Меландеръ отправился къ Воеводѣ для предъявленія нашего паспорта; тотъ, увидѣвъ, что въ этой бумагѣ не показаны наши слуги, велѣлъ немедленно посадить ихъ въ Приказъ. Напрасно мы представляли ему, что это ни на что не похоже и что Московскій Комендантъ, конечно, не скажетъ ему спасибо за такое распоряженіе: онъ не обратилъ вниманія на наши слова, и какъ скоро явились подводы, велѣлъ намъ убираться безъ слугъ изъ города. Когда же мы отвѣчали, что безъ нихъ не тронемся изъ комнаты, то онъ началъ стращать насъ. Однакожь никто къ намъ не прикоснулся. Между тѣмъ, чуть только смерклось, Меландеръ тайкомъ поѣхалъ назадъ въ Москву, и еще до разсвѣта возвратился оттуда съ предписаніемъ Коменданта и строгимъ выговоромъ Воеводѣ. Рано утромъ пошелъ онъ къ Воеводѣ, и, еще не показывая своей бумаги, сталъ опять просить его объ отмѣнѣ приказанія; но какъ тотъ не перемѣнялъ вчерашняго тона, то онъ наконецъ и представилъ ему привезенное предписаніе: тутъ Воевода нашъ перемѣнился, тотчасъ же отпустилъ слугъ и со всевозможною вѣжливостью пожелалъ намъ счастливаго пути.

Мы продолжали путешествіе безъ особенныхъ приключеній: только верстъ за десять до Петербурга, ночью, подъ нами непремѣнно подломался бы тонкій ледъ на Невѣ и мы бы всѣ погибли, еслибъ насъ не предостерегъ честный Русскій, съ которымъ мы встрѣтились. И такъ мы въ Петербургъ прибыли благополучно и остановились по ту сторону рѣки. На другой день нашъ капралъ отпра-

вился къ Сенатору Князю Долгорукову, который прежде былъ военноплѣннымъ въ Швеціи и бѣжалъ оттуда, а теперь завѣдывалъ всѣми плѣнными Шведами. Ему капралъ отдалъ бумагу отъ Московскаго Комендапта, и Долгоруковъ приказалъ въ слѣдующій день всѣмъ намъ явиться въ Сенатъ, который засѣдалъ въ крѣпости, также по ту сторону рѣки. Назавтра всѣ мои товарищи собрались итти черезъ рѣку: ѣздить по льду было уже не возможно; я же одинъ остался на квартирѣ, частью потому, что не въ состояніи былъ ходить такъ далеко пѣшкомъ, а частью и съ тѣмъ, чтобъ присмотрѣть за нашей поклажей

Когда другіе пришли въ Сенатъ, Долгоруковъ послалъ за Капитаномъ на гауптвахту, находившуюся противъ Сенатскаго дома, и приказалъ ему принять ихъ. Наше новое помѣщеніе, по тѣснотѣ и безпрестанному шуму, было очень безпокойно: черезъ каждые два часа, при смѣнѣ часовыхъ, насъ пересчитывали. Я имѣлъ то преимущество, что еще нѣсколько дней оставался на квартирѣ; но какъ скоро Нева вскрылась, то и меня перевезли туда на лодкѣ. Наискосокъ отъ гауптвахты, шагахъ во 100 оттуда, намъ виденъ былъ домъ, гдѣ содержался Графъ Пиперъ. Ему позволялось каждый день въ обѣденное время прохаживаться передъ своимъ жилищемъ. Мы смотрѣли на него съ соболѣзнованіемъ, но не смѣли вступать съ нимъ въ разговоръ. И во все время моего пребыванія въ Петербургѣ мнѣ не удалось поговорить съ нимъ; я только разъ видѣлъ его на проповѣди въ домѣ Генералъ-Фельдцейхмейстера Брюса.

Мы каждый день просили бывшаго въ караулѣ Офицера, чтобъ онъ позволилъ двоимъ изъ насъ итти въ Сенатъ поговорить съ Княземъ Долгоруковымъ, который ежедневно бывалъ тамъ; но всегда получали въ

отвѣтъ: «не смѣю». Черезъ нѣсколько дней караулъ смѣнила гренадерская рота; пришедшій съ нею Капитанъ былъ статный, пожилой и по-видимому умный Офицеръ, по имени Пѣвцовъ. На вопросъ его, что мы за люди, смѣнявшійся Капитанъ отвѣчалъ, что мы Шведскіе Офицеры, присланные для размѣна. «Этимъ людямъ» — замѣтилъ Пѣвцовъ — «не слѣдуетъ сидѣть здѣсь на гауптвахтѣ съ Офицеромъ, которому они въ тягость, да и самимъ имъ ни днемъ ни ночью нѣтъ покою». Эти слова ободрили насъ, и когда прежній Капитанъ удалился, мы описали вновь прибывшему наше житье, съ просьбою, нельзя ли завтра двоимъ изъ насъ отправиться въ Сенатъ къ Долгорукову. Онъ обѣщалъ позволить это и вообще обходился съ нами очень ласково. На другое утро Капитанъ Меландеръ и Магистръ Нордбергъ пошли въ Сенатъ, дождались тамъ пріѣзда Долгорукова и просили его на Латинскомъ языкѣ, который онъ понималъ, приказать отвести намъ квартиру въ городѣ. Князь послалъ за Капитаномъ и приказалъ ему выпустить насъ, нанявъ намъ квартиру въ городѣ недалеко отъ крѣпости. Это было сдѣлано къ вечеру и мы перебрались на новое мѣсто, гдѣ наблюдалъ за нами Поручикъ съ десятью человѣками. Мы жили на хлѣбахъ, за рубль въ недѣлю, у Нѣмки, которую зналъ Коммиссаръ Герсъ еще въ Москвѣ. Такъ было до Мая мѣсяца: передъ нашими глазами отходило въ Финляндію множество транспортныхъ судовъ, но объ насъ никто и не думалъ, такъ что мы уже стали недоумѣвать, будетъ ли размѣнъ или нѣтъ.

Наконецъ разъ поутру входитъ къ намъ караульный Офицеръ и объявляетъ, что получилъ приказаніе сейчасъ же привести насъ въ Сенатъ на смотръ. Мы, не теряя вре-

мени, начали готовиться къ тому и, помня совѣтъ Московскаго Коменданта, чтобы мы представлялись какъ можно болѣе жалкими, старались устроить свой нарядъ согласно съ этимъ. На мнѣ былъ овчинный тулупъ, который я въ Москвѣ купилъ совсѣмъ новый на дорогу; но Меландеръ безпрестанно дразнилъ меня моей бѣлой шубой: самъ онъ досталъ себѣ совершенно испачканную. Я подпоясался довольно грязнымъ полотенцемъ, счесалъ волосы на лице. На головѣ у меня была черная овчинная шапка, а на ногахъ изношенныя сапоги; опираясь на палку, я хромалъ. Товарищи мои одѣлись въ такомъ же вкусѣ и походили болѣе на нищихъ, нежели на порядочныхъ людей. Мы стояли въ Сенатскихъ сѣняхъ до 12 часовъ, когда услышали шумъ стульевъ, означавшій, что засѣданіе кончилось. Дверь отворилась и насъ позвали. Старый Долгоруковъ сказалъ прочимъ Сенаторамъ: «Вотъ нѣсколько Шведскихъ плѣнныхъ, которыхъ Московскій Комендантъ прислалъ сюда для размѣна: не хотите ли посмотрѣть ихъ и приказать сдѣлать имъ перекличку»? Когда писарь сталъ читать вслухъ списокъ нашихъ именъ, Сенаторы обратили всего болѣе вниманіе на фигуру Магистра Нордберга, потому что на немъ былъ суконный сертукъ коричневаго цвѣта; но Долгоруковъ объяснилъ имъ, что это скромный Пасторъ, безъ всякаго особеннаго почета. По окончаніи переклички, Долгоруковъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ»: «Я слышалъ, что одинъ изъ васъ служилъ въ гвардіи, — кто же это»? Я отвѣчалъ, что такого между нами нѣтъ, и онъ болѣе не упоминалъ о томъ. Послѣ этого, обратясь къ другимъ Сенаторамъ спросилъ онъ: «какъ вамъ показались эти Шведы»? Они отвѣчали, что всѣ мы люди такого рода, что безъ всякаго опасенія мо-

жно отпустить. Очень довольные этимъ замѣчаніемъ, мы пошли домой въ твердой надеждѣ, что будемъ освобождены.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того насъ посадили на пять галеръ, подъ прикрытіемъ которыхъ должны были итти въ Финляндію суда съ провіантомъ. Мы пришли въ Кронштадтъ, куда изъ Петергофа прибылъ и Царь съ Царицею, въ гости къ Князю Меншикову. На нашу бѣду въ тотъ самый день на рейдѣ показалось нѣсколько кораблей. Въ предположеніи, что это, можетъ быть, Шведскія суда, Полковнику, командовавшему галерами, велѣно было тотчасъ же отправиться въ море на рекогносцировку; а какъ онъ, безъ сомнѣнія, сказалъ, что везетъ плѣнныхъ Шведовъ, то приказано высадить насъ на пристань, сбросивъ туда и нашу поклажу, состоявшую по большей части изъ кадочекъ и мѣшковъ со съѣстными припасами. Насъ окружила на пристани стража; около полудня поднялась ужасная буря съ дождемъ, такъ что мы скоро промокли до костей. Часа въ три послѣ обѣда мы увидѣли Царя и Царицу, шедшихъ на пристань въ сопровожденіи Князя Меншикова и многочисленной свиты дамъ и кавалеровъ. Узкая пристань почти вся была загромождена нашими пожитками, и потому Государь съ своею Супругой и со всѣми приближенными кое-какъ только могли пробраться по сторонкѣ. Царь взглянулъ на насъ и всѣ мы боялись его гнѣва. Нашъ страхъ былъ однакожь напрасенъ: Государь сѣлъ въ свою яхту и отправился въ Петергофъ; вечеромъ же пришелъ Поручикъ Кронштадтскаго гарнизона, и отвелъ насъ въ земляной редутъ.

Здѣсь провели мы три дня въ тяжкомъ заключеніи и горѣ, потерявъ уже надежду на освобожденіе. Къ тому же

трое изъ моихъ товарищей напились пьяны и сдѣлались такъ безпокойны, что невозможно было съ ними справиться. На четвертый день вечеромъ пришелъ къ намъ Поручикъ Петербургскаго гарнизона и сказалъ, чтобы мы готовились въ путь: потому что ему велѣно отвезти насъ назадъ въ Петербургъ. Услышавъ это, мы впали въ совершенное уныніе, и въ добавокъ еще должны были унимать нашихъ буйныхъ товарищей, которымъ казалось, что теперь они имѣютъ полное право кричать, шумѣть и бѣситься. Насъ тотчасъ отвели на пристань, гдѣ стояла лодка, нагруженная кулями муки. Страшная буря, морской туманъ и сильный дождь заставили Поручика отложить наше отплытіе: цѣлую ночь пролежали мы подъ дождемъ и опять промокли, стараясь успокоить нашихъ пьяныхъ товарищей, которымъ и Поручикъ грозилъ побоями, если они не перестанутъ шумѣть въ ночное время подъ самою крѣпостью.

На другой день рано утромъ мы пустились по взморью, которое въ длину составляетъ не много болѣе 20 верстъ; но при сильномъ противномъ вѣтрѣ, переплыли это разстояніе не ранѣе, какъ къ часу, да и то насъ чуть не залили волны. Близь устья Невы мы причалили къ берегу, чтобы вычерпать воду изъ лодки и нѣсколько отдохнуть, а потомъ стали грести противъ теченія рѣки. Чтобы защититься отъ вѣтра, нашъ Поручикъ вошелъ въ тотъ рукавъ Невы, который протекаетъ къ Сѣверу отъ Васильевскаго острова. Это показалось Капитану Меландеру страннымъ, и онъ, проклиная судьбу свою, сталъ утверждать, что насъ везутъ совсѣмъ не въ Петербургъ, а въ Шлиссельбургъ, гдѣ и заключатъ насъ въ тюрьму, съ тѣмъ чтобы никогда уже не выпустить. Магистръ Нордбергъ, Поручикъ Лаппъ и я,

хоть тоже не совсѣмъ спокойные на этотъ счетъ, утѣшали Меландера, какъ умѣли, но онъ все продолжалъ шумѣть и бѣсноваться, повторяя часто имя Шлиссельбургъ. Русскій Поручикъ, догадываясь по этому слову, въ чемъ дѣло, и притомъ самъ понимая немного по-Шведски, спросилъ меня: «Что Капитанъ говоритъ и о чемъ онъ такъ тревожится?» Видя, что я не рѣшаюсь отвѣчать, Поручикъ шепнулъ мнѣ на ухо (я сидѣлъ возлѣ него у руля): «я очень хорошо понимаю, что онъ говоритъ; погоди, я подшучу надъ нимъ», и черезъ минуту онъ началъ такъ: «Братцы дорогіе, жаль мнѣ васъ: я знаю, что вы изъ Москвы присланы сюда для размѣна, и въ этой надеждѣ сдѣлали трудное и убыточное путешествіе, но я долженъ предупредить васъ, что вамъ освобожденія не будетъ; мнѣ приказано везти васъ въ Шлиссельбургъ, и тамъ вы просидите до зимы, а потомъ опять возвратитесь въ Россію». При этихъ словахъ Меландеръ навострилъ уши и сталъ шумѣть пуще прежняго, ругая безъ пощады насъ, товарищей своихъ, за то, что мы ему противорѣчили и утѣшали его. Но я въ душѣ такъ смѣялся забавной выдумкѣ Поручика, что не хотѣлъ отвѣчать на грубости Меландера и въ наказаніе за его безуміе далъ ему полную волю горячиться и выходить изъ себя. Наконецъ около полуночи мы достигли Петербурга, но тутъ встрѣтили новое затрудненіе: Поручикъ намѣревался продержать насъ всю ночь въ лодкѣ, поутру же сдать насъ въ крѣпости и оставить на гауптвахтѣ, какъ ему было приказано. Мы по опыту уже знали, что это значитъ, и потому умоляли его позволить намъ отправиться на прежнюю нашу квартиру; онъ долго не соглашался, но наконецъ уступилъ нашимъ просьбамъ. Послѣ къ намъ приставили и прежнюю стражу; но мы, проученные пер-

вою неудачею, не слишкомъ уже настаивали, чтобъ насъ освободили.

Прошло три недѣли. Разъ, во время нашего обѣда, приходитъ къ намъ Поручикъ изъ крѣпости и говоритъ, чтобы мы опять готовились въ путь: потому что ему велѣно сдать насъ на провіантскіе шкуты, которые стоятъ у пристани и должны отплыть въ Финляндію. Почти уже потерявъ надежду на освобожденіе, мы не мало тому обрадовались, и потому еще до наступленія вечера поспѣшили перебраться на суда. Я попалъ на одинъ шкутъ съ Капитаномъ Меландеромъ, Коммиссаромъ Герсомъ и Квартирмейстеромъ Брюсомъ; но людей нашихъ взяли у насъ и посадили вмѣстѣ съ плѣнными изъ рядовыхъ, работавшихъ въ крѣпости; это мнѣ было очень непріятно: потому что я лишался вѣрнаго и честнаго слуги, который былъ при мнѣ во все время плѣна и много вытерпѣлъ вмѣстѣ со мною. Мартынъ Плицеръ (такъ его звали) былъ сынъ смотрителя на желѣзномъ заводѣ и, при многихъ добрыхъ качествахъ, былъ въ добавокъ еще искусный поваръ, такъ что мнѣ во время нашего плаванія очень не доставало его. На другой день мы отплыли и къ вечеру прибыли въ Кронштадтъ, а на слѣдующій день (4-й послѣ Троицына) въ 10 часовъ утра, при ясной погодѣ и попутномъ вѣтрѣ, поплыли далѣе; наша флотилія состояла изъ 30 провіантскихъ шкутовъ, подъ прикрытіемъ двухъ галеръ. Командовавшій нашимъ судномъ Русскій Капитанъ вздумалъ воспользоваться пріятною погодой, сѣлъ въ лодку и велѣлъ перевезти себя на другой шкутъ, чтобы пообѣдать съ однимъ изъ своихъ товарищей; но не прошло часа, какъ вѣтеръ усилился и поднялась такая буря, что всѣ суда разбросало въ разныя стороны; вскорѣ мы, при сильномъ дождѣ и мор-

скомъ туманѣ, не знали уже, куда насъ несетъ. На нашемъ суднѣ было 24 Русскихъ солдата; но изъ нихъ только двое могли бы кое-какъ управлять имъ, еслибъ не потерялись совершенно; товарищи же мои всѣ занемогли морскою болѣзнію и сами себя не помнили. Что до меня, то, не бывавъ никогда въ такомъ положеніи, я не имѣлъ ни малѣйшей опытности. Нѣсколько часовъ носились мы безъ парусовъ середи ужасной тмы, дождя и бури; вдругъ налетѣлъ огромный валъ, разбилъ руль и оторвалъ его съ страшнымъ трескомъ, такъ что всѣ мы остолбенѣли. Видя явную опасность, я сталъ размышлять, какъ безразсудно съ моей стороны было искать освобожденія, и что я поступилъ бы гораздо лучше, еслибъ вмѣстѣ съ другими дождался времени общаго размѣна плѣнныхъ. Я сошелъ внизъ подъ палубу, бросился на свою убогую постель, устроенную на куляхъ муки, и усердно помолился Богу, чтобы онъ помиловалъ мою грѣшную душу: это такъ укрѣпило и успокоило меня, что я всталъ съ полною надеждою на спасеніе. Потомъ я отправился къ Коммиссару Герсу, который, страдая морскою болѣзнью, лежалъ полумертвый въ каютѣ. Такъ какъ онъ когда-то служилъ на морѣ, то я расказалъ ему, въ какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ мы находимся и просилъ его совѣта. Онъ отвѣчалъ, что мы рискуемъ сѣсть на мель и что для избѣжанія этого лучше всего было бы привязать къ кормѣ, съ обѣихъ сторонъ судна, два длинныя весла и поднявъ фокъ, держаться въ открытомъ морѣ. Я пошелъ къ Русскимъ солдатамъ, которые сидѣли полумертвые на палубѣ. Когда я растолковалъ имъ, что̀ надобно сдѣлать по совѣту Герса, то они съ неудовольствіемъ отвѣчали, что я плѣнный и не имѣю права имъ приказывать, что они во всякомъ случаѣ должны по-

гибнуть и что слѣдовательно не для чего трудиться. «Знаю, сказалъ я, что я плѣнный и не могу вамъ приказывать, но подождите: если останусь живъ, то разскажу вашему Капитану, какъ мало вы старались спасти судно». Наконецъ они рѣшились сдѣлать по моему наставленію; но только что привязали и спустили весла, и подняли фокъ, какъ буря оторвала парусъ и увлекла его впередъ, на большое разстояніе отъ судна, весла же, при страшномъ волненія моря, едва не перебросили черезъ бортъ людей, которые управляли ими. Всѣ другія употребленныя нами средства для спасенія судна были такъ же тщетны: вскорѣ бугъ проломился и кули съ мукою, подъ палубою, начали плавать въ водѣ; спущены были якоря, но всѣ якорные канаты порвались и насъ опять начало нести по вѣтру, пока на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ берега мы наткнулись на большой камень, который мало-по-малу пробилъ дно и очутился въ каютѣ подъ самымъ столомъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, дрожа отъ холода и ежеминутно ожидая, что судно разобьется, мы провели цѣлую ночь. Въ жизнь я не стремился никуда такъ пламенно, какъ теперь къ огнямъ, мелькавшимъ на берегу и зажженнымъ людьми, которымъ удалось спастись съ погибшихъ судовъ. Всѣ бывшіе съ нами Русскіе солдаты умѣли плавать; они брали кто весло, кто доску или ставню, и бросившись въ море, достигали берега. Наконецъ, при восхожденіи солнца, 8 Іюня судно разбилось, составлявшіе грузъ кули показались на поверхности воды, и все стало распадаться. Я долженъ былъ вытаскивать изъ каюты моихъ полумертвыхъ и чрезвычайно малодушнымъ товарищей, и, не думая о самомъ себѣ, велѣлъ Меландеру броситься на дечный люкъ, а Герсу—на мачту. Между тѣмъ молодой, но слиш-

комъ нерѣшительный Брюсъ, стоялъ и сокрушался, говоря: «Ахъ, Боже мой, Боже мой! что со мною будетъ? Г. Прапорщикъ, куда мнѣ дѣваться»? Въ ту самую минуту изъ-подъ судна выплылъ киль съ переднимъ штевнемъ и я сказалъ ему: «вотъ спрыгни на этотъ обломокъ, онъ тебя вынесетъ на берегъ». Молодой человѣкъ послушался меня, произнеся: «Господи, спаси мою грѣшную душу»! сталъ на киль и держался за приподымавшійся штевень. Во время моихъ распоряженій всѣ Русскіе солдаты успѣли удалиться, кромѣ одного, который оставался со мною, и мы вмѣстѣ перепрыгивали съ куля на куль. Вдругъ передъ нами всплылъ изъ-подъ палубы маленькій мой сундукъ, въ которомъ у меня было платье, бѣлье и нѣсколько книгъ. Видя, что Русскій солдатъ намѣренъ броситься на доску, я сказалъ ему: «Вотъ мой сундукъ: поставь его передъ собой на доску, и если перевезешь благополучно на берегъ, я дамъ тебѣ рубль; если же я живъ не останусь, возьми его себѣ». Онъ отвѣчалъ: *добре*, и взявъ сундукъ съ собой, поплылъ на доскѣ по вѣтру. Теперь уже и кули начали расходиться такъ, что мнѣ не на чемъ было стоять и я, бывъ раза два подъ водою, ухватился наконецъ за два куля, связанные лыковой веревкой; черезъ нее перекинулъ я ногу и держался руками за оба куля. По своей четвероугольный формѣ, они имѣли тотъ недостатокъ, что безпрестанно перевертывались, такъ что я нѣсколько разъ опять погружался въ воду. Къ счастью, на встрѣчу мнѣ попались двѣ доски, связанныя крестомъ и вѣроятно оставленныя Русскими солдатами, которые приготовили ихъ такимъ образомъ для себя. Я перебрался на нихъ, какъ умѣлъ, и онѣ понесли меня гораздо лучше и быстрѣе кулей; но мнѣ предстояло еще приключеніе на разстояніи

мушкетнаго выстрѣла отъ берега: доски мои вдругъ зацѣпились за два камня и, не смотря на всѣ мои усилія, я уже не могъ тронуться съ мѣста. Бѣду мою увидѣлъ Меландеръ, благополучно доплывшій до берега на своемъ люкѣ, и выслалъ за мною лодку съ двумя крестьянами, которые и перевезли меня.

Едва ступивъ на берегъ, пошелъ я погрѣться къ огню и тамъ увидѣлъ солдата, принявшаго мой сундукъ. На вопросъ мой, гдѣ онъ, солдатъ отвѣчалъ, что я могу сейчасъ же получить его, если дамъ обѣщанный рубль. Хотя у меня рубли были вещь довольно рѣдкая, однакожь я заплатилъ ему охотно, когда онъ возвратилъ мнѣ сундукъ и еще отнесъ его въ деревню, лежавшую въ верстѣ отъ берега, куда товарищи мои уже прежде отправились просушить свое платье и обогрѣться. Я нашелъ ихъ въ черной избѣ, раздѣтыхъ, на лежанкѣ: они лишились всего, кромѣ бывшей на нихъ одежды, и потому я, которому удалось спасти свой сундукъ, былъ богаче ихъ всѣхъ. Наше кораблекрушеніе случилось подъ Ингерманландскимъ валомъ, противъ селенія Колкоппе (Kolkoppää), гдѣ Шведскій Генералъ Любсперъ, во время отступленія своего передъ Русскими, перебилъ своихъ лошадей, самъ же съ пѣхотою переправился черезъ Ингерманландскій заливъ.

Къ вечеру мы успѣли согрѣться и обсохнуть. Желудокъ началъ намъ сильно напоминать, что мы со вчерашняго обѣда ничего не ѣли; но всѣ наши припасы остались въ морѣ, за исключеніемъ мѣшка съ рисомъ. Мы потребовали хлѣба, хотя изъ отвѣта Финской хозяйки Русскимъ солдатамъ, которые просили ее о томъ же, могли уже заключить, что хлѣба у нея нѣтъ. Герсъ зналъ по-Фински, и потому мы поручили ему употребить все свое краснорѣ-

чіе, чтобы уговорить хозяйку дать намъ хлѣба за деньги. Услышавъ, что мы Шведы, она прослезилась и сказала: «Такъ стало быть вы намъ свои, а мы, какъ увидѣли, что идутъ Русскіе, такъ и унесли все свое имущество въ лѣсъ; вотъ я вамъ сейчасъ принесу нѣсколько лепешекъ. Только вы меня не выдайте». Такъ она и сдѣлала; но хлѣбъ ея показался намъ жёстокъ, и мы захотѣли чѣмъ-нибудь сдобрить его: близъ деревни было небольшое озеро, а какъ мы въ Петербургѣ запаслись удочками для ловли рыбы въ Шведскихъ шкерахъ, то, доставъ теперь прутьевъ и червяковъ, отправились въ лодкѣ по озеру и наловили такое множество окуней, что намъ стало ихъ на три дня. Однакожь середи этой скромной и тихой жизни въ деревнѣ, мы не могли не безпокоиться насчетъ предстоявшей намъ участи, не зная вовсе, куда насъ пошлютъ — впередъ или назадъ. Наконецъ, когда вѣтеръ унялся, на пятый день, пришли изъ Кронштадта другія суда и взяли насъ: черезъ нѣсколько недѣль мы благополучно прошли Финскіе шкеры,—хотя средства къ продовольствію были у насъ очень скудныя и тотъ же мѣшокъ съ рисомъ доставлялъ намъ всякаго рода и твердыя и жидкія яства, а готовилъ ихъ Русскій солдатъ.

На разстояніи какихъ-нибудь ста верстъ отъ Або встрѣтилъ насъ Русскій Главнокомандующій, Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ со всѣмъ галернымъ флотомъ, что бы проводить насъ до этого города.

Здѣсь приняты мы были со всею внимательностью: намъ отвели удобное помѣщеніе, и Русскій Генералъ, Князь Голицынъ, пригласилъ насъ обѣдать у него ежедневно. Какъ ни пріятно намъ было такое радушіе, однакожь мы не замедлили просить, чтобы насъ отправили въ Шве-

нію. Князь Голицынъ на это отвѣчалъ намъ, что онъ въ томъ году уже отправилъ туда двѣ галеры, но какъ онѣ не возвратились, то ему неизвѣстно, какимъ образомъ въ Швеціи смотрятъ на отправленіе такихъ Русскихъ судовъ, и, до полученія извѣстій о судьбѣ первыхъ, онъ никакъ не рѣшится послать другія, а потому мы и должны дожидаться; но что, впрочемъ, онъ постарается доставить намъ средства проводить время какъ можно пріятнѣе. Но мы все болѣе и болѣе настаивали, чтобъ насъ отправили, при чемъ Генералъ-Маіоръ Горнъ, присланный также для размѣна, ручался, что если другія суда, по неизвѣстнымъ ему причинамъ, и задержаны въ Швеціи, то на этотъ разъ, при столь законномъ дѣлѣ, того никакъ не случится. Убѣжденный этимъ, Князь Голицынъ наконецъ рѣшился дать намъ одну изъ самыхъ большихъ галеръ съ морскимъ Капитаномъ *Марко*, родомъ изъ Греціи, и съ пѣхотнымъ Капитаномъ *Лука*, изъ Силезіи, который самъ выпросилъ себѣ это назначеніе; нижнихъ чиновъ съ нами было 130 человѣкъ.

Въ тотъ день, когда мы должны были отправиться, наша галера пристала передъ квартирою Князя Голицына, вмѣстѣ съ тѣмъ вдоль берега рѣки поставлено было девять пушекъ и Князь пригласилъ насъ къ своему столу. Всякій разъ, когда мы у него обѣдали, мнѣ приходилось сидѣть возлѣ хозяина (который самъ занималъ мѣсто на нижнемъ концѣ), такъ какъ я говорилъ немного по-Русски. Князь заставлялъ насъ пить черезъ силу, говоря: «Пейте больше; если будете веселы, я сейчасъ отпущу васъ, а если не перестанете хмуриться, я оставлю васъ здѣсь еще нѣсколько дней». Я просилъ пощадить меня, ради молодости моей и непривычки пить; но другіе должны были постоять за

себя, такъ что и хозяинъ и гости бывали порядочно на веселѣ. Князь спросилъ меня, гдѣ я въ Швеціи родился. Верстахъ въ 150 отъ Стокгольма, отвѣчалъ я. «Непремѣнно пріѣду въ Швецію, сказалъ онъ и навѣщу тебя». Когда я замѣтилъ, что это было бы для меня великою честью, лишь бы Его Сіятельство не имѣлъ при себѣ слишкомъ большой свиты, то онъ разсмѣялся, говоря: «Ну нѣтъ, а ужъ одинъ то я къ тебѣ не пріѣду». Пока пили тосты, происходила пальба изъ поставленныхъ передъ домомъ пушекъ. По окончаніи обѣда, Князь самъ проводилъ насъ на галеру; когда онъ съ нами прощался, на ней сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, на которые отвѣчалъ весь галерный флотъ, расположенный по обѣ стороны рѣки, гдѣ мы должны были проходить.

И такъ мы пустились въ путь очень довольные, въ твердой увѣренности, что уже безъ всякихъ новыхъ невзгодъ и препятствій увидимъ дорогое отечество; но вѣтеръ былъ намъ противный, такъ что надобно было грести. Наконецъ мы остановились между скалами Аландскаго моря, и такъ какъ за ними начиналось открытое море, то мы принуждены были простоять тутъ три дня. Русскій Капитанъ Марко говорилъ, что если въ слѣдующій день вѣтеръ не утихнетъ или не перемѣнится, то придется поплыть назадъ, потому что праіанту взято только на короткое время. Крайне встревоженные этимъ, мы молили Бога, чтобъ вѣтеръ завтра перемѣнилъ направленіе. На другое утро, съ 9 часовъ, къ величайшей радости нашей начало утихать, и около полудня вѣтеръ совершенно прекратился: мы упросили Капитана велѣть отчаливать и грести по Аландскому морю. Сложившись, мы дали нѣсколько рублей гребцамъ, Русскимъ солдатамъ, которые и исправляли свое дѣло съ

такимъ усердіемъ, что будто подымали галеру на воздухъ: въ 2 часа мы увидѣли Шведскіе шкеры и вмѣстѣ съ тѣмъ показался одинъ изъ нашихъ крейсеровъ, стоявшій неподвижно на мѣстѣ. Русскій нашъ Капитанъ сталъ приближаться къ нему и, подойдя на пушечный выстрѣлъ, сѣлъ въ шлюпку; въ то же время другая пошла къ нему на встрѣчу отъ крейсера. Капитаны вступили въ разговоръ: крейсеръ требовалъ, чтобы галера держалась въ сторонѣ отъ него пушками, пока онъ не испроситъ приказанія Вице-Адмирала Шведскаго флота, бывшаго въ шкерахъ, о томъ, какъ поступить. Пока мы съ галерою оставались такимъ образомъ подъ пушками крейсера, подулъ вѣтеръ, и крейсеръ, лавируя, пошелъ въ море. Русскій Капитанъ кричалъ, чтобъ его къ ночи не уводили въ море, потому что его судно не выноситъ сильнаго волненія; когда же крейсеръ мѣшкалъ поворотить галсъ, Русскій Капитанъ сказалъ, что если тотъ еще будетъ медлить, то онъ распуститъ паруса и уйдетъ прочь: такъ онъ дѣйствительно сдѣлалъ и былъ на ходу гораздо быстрѣе крейсера. Но въ то самое время крейсеръ поворотилъ къ берегу и мы шли въ сторонѣ отъ него.

Передъ захожденіемъ солнца пришелъ изъ шкеръ фрегатъ, которымъ командовалъ Капитанъ-Лейтенантъ Гёте; онъ взялъ насъ подъ свое покровительство и проводилъ въ шкеры, гдѣ, по его указанію, галера пристала у небольшаго острова, а самъ онъ съ своимъ фрегатомъ сталъ поодаль. Поутру показались двѣ Шведскія галеры и приняли насъ; хотя до флота было недалеко, однакожь онѣ повели насъ не прямо, а заставили покружиться по шкерамъ. Наконецъ въ 3 часа по полудни прибыли мы къ Шведскому флоту, состоявшему, подъ началь-

ствомъ Вице-Адмирала Барона Вахтмейстера, изъ 8 кораблей, 2 фрегатовъ, 3 или 4 галеръ и нѣсколькихъ вооруженныхъ гребныхъ судовъ. Русскій Капитанъ сѣлъ въ шлюпку съ Генералъ-Маіоромъ *Горномъ* и Магистромъ *Нордбергомъ*. Мы обратились къ Генералу Горну съ просьбой устроить, чтобъ Адмиралъ прислалъ за нами. Адмиралъ былъ до того внимателенъ къ намъ, что велѣлъ перевезти насъ на собственной своей шлюпкѣ и, когда мы взошли на его корабль, поздравилъ насъ съ освобожденіемъ. Я радовался, что наконецъ (26 Іюля) попалъ къ землякамъ, и не возвращаясь болѣе на галеру, послалъ за своими пожитками, а потомъ ужиналъ у Адмирала. На ночь меня помѣстили надъ самой крюйткамерой, но не смотря на то, я спалъ богатырскимъ сномъ; утромъ же, когда я проснулся и увидѣлъ восходящее солнце, отъ всей души принесъ благодареніе Богу.

Я. Гротъ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1853. № 2.)

2007237443